Пространство памяти

№2/2017

Историко-культурный вестник Северо-Запада

ТЕМА НОМЕРА

ПОЗИТИВНЫЙ ОБРАЗ РЕГИОНА

ОТ РЕДАКЦИИ

Понятие «территориальный брендинг» – в том же значении используется иногда выражение «маркетинг территорий» – вошло в широкое употребление сравнительное недавно и потому не получило пока такого содержательного определения, которое охватывало бы максимальное число характеристик этой деятельности.

Очень часто на практике, к сожалению, вся «многомерность» территориального брендинга сводится к разработке того или иного логотипа, отображающего, по мнению его разработчиков и заказчиков, ключевые особенности конкретной территории.

При этом предполагается, едва ли не по умолчанию, что данный логотип неким чудодейственным образом превратится в локомотив развития территории и обеспечит ей неуклонное поступательное движение к процветанию. Разумеется, ожидать подобного чуда наивно, а сведение всей совокупности территориального брендинга к дизайну логотипа свидетельствует о непонимании – прежде всего со стороны заказчика – потенциала этого инструментария.

Впрочем, нельзя утверждать, что все настолько скверно; заказчики, то есть государственные структуры в регионах, постепенно приходят к осознанию упомянутой «многомерности» деятельности по брендированию территорий и начинают обращать внимание на то, что в большинстве определений территориального брендинга так или иначе указывается: данная деятельность нацелена – должна быть нацелена – на формирование и развитие привлекательного имиджа территории, ее позитивного образа.

Словосочетание «позитивный образ» в данном случае следует толковать максимально широко: это привлекательность региона во всем многообразии ее форм – от деловой и трудовой до медийной, культурной и инвестиционной. Особенно насущной проблема позитивного образа территории сделалась в современных условиях – при необходимости развития региональных экономик, в борьбе за привлечение финансовых средств, в конкуренции за человеческий капитал. В таких условиях именно привлекательность территории, понимаемая предельно широко, становится полноценным драйвером регионального развития.

Поэтому, как представляется, территории, заинтересованные в собственном развитии и процветании, уже в ближайшей перспективе пересмотрят свое отношение к понятию территориального брендинга, перестанут воспринимать последний как абстрактную научную концепцию – или как сугубо рекламную активность – и по-настоящему оценят его практическую значимость.

В текущем номере журнала собраны материалы, освещающие различные составляющие процесса формирования и развития позитивного образа регионов Северо-Западного федерального округа. Словно в калейдоскопе, эти составляющие складываются в причудливую картинку,

из которой, тем не менее, вырисовывается трехуровневая иерархия брендов – внизу местные, локальные бренды, которые своей массой как бы наполняют содержанием бренд конкретного региона, а взаимодействие региональных брендов способствует возникновению, утверждению и развитию «окружного» бренда СЗФО.

Разумеется, реальная иерархия территориальных брендов на самом деле гораздо сложнее описанной схемы. Во-первых, иерархический принцип здесь достаточно условен, поскольку крепкий локальный бренд может оказаться и/или восприниматься как более ценный в сравнении с «вышестоящим» территориальным. Во-вторых, вряд ли возможно установить некую качественную «вертикаль» в брендинговом пространстве, поскольку все бренды – географические, экономические, исторические, культурные и т. д. – равноправны и зачастую неразрывно связаны не только с конкретными локациями, но и с более крупными административно-территориальными образованиями. Однако в целом описанная схема позволяет составить «черновое» представление о процессе брендирования, каковой, в силу специфики государственно-политического устройства Российской Федерации, довольно долго оставался вне сферы внимания руководящих органов в регионах, в том числе в регионах СЗФО.

Материалы данного номера – лишь первая попытка осветить практическую деятельность по формированию и развитию позитивного образа регионов на территории СЗФО. Если «привязать» материалы данного номера к географической карте, несложно заметить, что в фокусе оказались «север» и «центр» Северо-Запада; будет справедливо, небезынтересно и, хочется верить, полезно ознакомить читателя с брендами и активностью в формировании позитивного образа региона на «западе», «юге» и «востоке» этой обширной и чрезвычайно плодородной, с точки зрения территориального брендинга, территории.

Приглашаем к сотрудничеству!
Электронный адрес редакции:
mag@patriacenter.ru.

Все номера журнала доступны для скачивания на официальных страницах в социальных сетях:
https://vk.com/ppseverozapad
https://www.facebook.com/ppmagsz/

ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ВЕСТНИК СЕВЕРО-ЗАПАДА

№ 2 / 2017

Издатель: АНО ИКЦ «ПАТРИЯ»
190020, СПб., наб. Обводного канала, 150
E-mail: mag@patriacenter.ru

Фотографии предоставлены авторами материалов

© Составление, АНО ИКЦ «Патрия», 2017
© Текст, фото, авторы, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СООБЩЕСТВО

АЛЕКСАНДР СЕНОТРУСОВ. «МЫ ОБРЕЧЕНЫ БЫТЬ НА ПОСТУ» 5

ТЕРРИТОРИЯ СЕВЕРО-ЗАПАД

ДМИТРИЙ СОЛОННИКОВ. «ПО 70-Й ПАРАЛЛЕЛИ»: СЕВЕРНЫЕ РЕГИОНЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА 12

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

СЕРГЕЙ ТЕЛЕШОВ. «ЧТОБ СТАРШИЕ ДЕЛИЛИСЬ С ПАЦАНАМИ ТЕМ, ЧТО ИМ ЖИЗНЬ НЕЛЕГКАЯ ДАЛА» 21

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ

ЗИНАИДА КУРБАТОВА. «ЛИХАЧЕВ БЫЛ СЛИШКОМ МОЩНОЙ ФИГУРОЙ» 28

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ

ЮЛИЯ БЕЛОБОРОДОВА. ГОРОД С ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ИСТОРИЕЙ – КОМФОРТНАЯ ТУРИСТСКАЯ СРЕДА 34

КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА

МАРИНА ФЕДИНА. ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ЯЗЫКА КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ 39

СВОИМИ СЛОВАМИ

ЛЮБОВЬ ЦАРЬКОВА. ЛИТЕРАТУРА В НЕНЕЦКОМ ОКРУГЕ 44

АЛЕКСАНДР СЕНОТРУСОВ (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

«Мы обречены быть на посту»

Александр Иванович Сенотрусов – руководитель военно-исторического общества «Форт Красная Горка» и одноименного народного музея, историк, эколог, краевед.

Уникальный фортификационный, технический и военно-исторический объект форт «Красная Горка» является памятником Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО, частью «Зеленого пояса Славы», памятником регионального значения и целиком входит в региональный заказник «Лебяжий». Форт занимает территорию в 450 га. Сегодня форт представляет собой комплекс бетонных и железобетонных казематов различного назначения общей длиной более 1700 м под землей с выходами на поверхность. Крепость расположена на песчаном плато высотой более 30 м и вписана в рельеф местности таким образом, что представляет собой обширный исторический парк. При этом музеефицирована лишь небольшая часть форта, где демонстрируется коллекция мощнейших артиллерийских орудий русской армии.

Первый вопрос – как все начиналось? Музейное дело, экология, реконструкции, поисковое движение? И какое из этих занятий вам сегодня кажется наиболее важным?

Мне довелось в жизни побывать во многих местах Отечества. С ранней поры я завел себе правило – в каждом новом месте посетить рынок, храм и баню. Делал «срез» жизни таким образом. И сколько себя помню – я любил все эти места и помню их и ныне. Моя сверхзадача – сохранить уклад жизни, мир на территории, ее богатства. И еще – я люблю мерять землю, пешком или на велосипеде. Мне интересны мелочи, мой жизненный опыт хранит отгадки многих предметов и явлений, мне это интересно.

Бурные девяностые привели к расстройству многих людей, и они потерялись. Конфуций сказал, что надо бояться перемен. В условиях, когда многие красивые, гордые и умные люди оказались не готовы к переменам, я решил, что удел местечкового интеллигента – изучение местного края, привитие любви к рядом живущему, рядом существующему творению создателя, мастера, нации. Но я коллективист в своем видении мира и потому создал поисковый отряд для работы в границах Ораниенбаумского плацдарма.

Но поисковое дело имеет сезонный характер, и я добавил участие в военной реконструкции – реконструкции артиллерии русской армии 1812 года. А почему именно этот период истории реконструируем? Потому что десять лет назад эта ниша военной реконструкции дозволяла участие подростков и женщин. Я занялся детьми в Лебяжьем в год выпуска 9-го класса рождения 1985 года; они в свой выпускной наломали столь вызывающе много, что я понял – с ними и младшими надо работать сейчас и немедленно. Военная реконструкция и поиск оказались идеальными инструментами воспитания на то время.

Хищническая распродажа земель на побережье Финского залива заставила меня стать экологом и создать первый в России муниципальный (местный) заказник. Это была знаменитая «Поляна Бианки». Она едва не стоила мне жизни.

Музей для меня стал наработанным естественным продолжением тридцатилетнего краеведческого труда и моего военного прошлого. И результатом труда соратников, их число – намного более 40 человек, всех возрастов.

Поселок Лебяжье – не самый известный и не самый посещаемый населенный пункт Ленинградской области, несмотря на поляну Бианки, ижорские дома и близость форта Красная Горка. Не обидно ли, что мало кто из туристов добирается по побережью дальше Ломоносова? Или это не так?

Нет, не обидно! Северный берег Финского залива застроен хаотично и бестолково. Южный же берег от дамбы на запад пока представляет на большом протяжении тайгу, образно говоря, доставшуюся нам от военных, и небольшие поселения. Мы имеем наследие военной, пограничной зоны и тридцатикилометровой зоны ЛАЭС. Мой посыл сводится к тому, что на южном берегу Финского залива при государевом подходе можно воссоздать утраченную ленинградцами–петербуржцами Палангу, Рижское взморье с роскошным историко-культурным наследием.

Можно ли поподробнее рассказать о «Поляне Бианки»: история создания этого ландшафтного объекта и современное состояние вопроса, роль общественности и властей – в том числе и отрицательная.

Поляна Бианки юридически родилась в июле 2008 года. Необходимость защиты этой территории возникла 3 апреля 2007 года, тогда начал действовать заказник регионального значения «Лебяжий». Это был второй заказник на нашей территории, и он существенно сократил территории охраны на суше. Таким образом, из-под защиты выпало «подбрюшье» Лебяжьего площадью 20 га на берегу залива.

Почти мгновенно там нарезали 2 улицы, а участки были реализованы по «серым схемам». Население просто обомлело от такой перспективы. Все привыкли, что это общая территория отдыха, что дважды в столетие она заливается наводнениями и что 500 лет здесь не селились люди. Но вот новые времена – «видовые» участки на морском берегу!

Нужно было сильное решение, чтобы сохранить народное народным. И целый год борьбы. В областном комитете по природопользованию под мою просьбу разработали примерное положение о местных заказниках, получилось сделать его документом Лебяженского городского поселения, собрать подписи 900 семей лебяженцев, всех общественных организаций, кроме одной, всем известной. И со второй попытки удалось создать первую в стране местную особо охраняемую природную территорию (ООПТ). Теперь такие ООПТ есть на всем Северо-Западе.

Поляне девять лет, и она жива. Ее поддерживают в ухоженном состоянии сами жители, и они же сразу поднимают тревогу, если видят попытки продать или вырезать лес в заказнике «Поляна Бианки». Предыдущей муниципальной администрацией на поляне по «инвалидной схеме» проданы 4 участка, но мы не позволяем вести на них какую-либо деятельность.

Откуда взялось название Красная Горка?

Тут весь берег состоит из болотной руды, которую издревле плавили. Триста пятьдесят лет на Красной Горке производили кричное железо. Новгородская Русь здесь все свое железо плавила. Отсюда и название места. Металл делали на Красной Горке, крицы с Красной Горки доставляли в Великий Новгород, там они разрубались на части и сбрасывались в огромные ямы, где собирали отходы с мясобоен – черепа, кости, копыта… При нагреве вместе с ними металл обогащался азотом. И таким вот сыродутным способом в конце трудового дня получали 16 килограммов железа.

Как создавался народный музей «Форт Красная Горка»?

В январе 2007 года нам стало известно о продаже в частные руки (коллекционера Вадима Задорожного) гигантов морской

артиллерии с форта Красная Горка. Мы, имея опыт реконструкторов и поиска, выступили на защиту орудий форта. 108 дней длилось наше противостояние с людьми г-на Задорожного, и мы смогли отстоять железнодорожные транспортеры и орудие Б-13. Логика борьбы привела к тому, что юридически мы объединились в военно-историческое общество «Форт Красная Горка» и поставили себе целью помочь государству в лице Ленинградской области создать здесь музей и тем самым защитить форт от разграбления. Сначала так и было.

На опасения в областном правительстве, что в музее будет нечего выставить, мы ответили делом. За предыдущий период и сразу после 2007 года мы подняли из-под земли, собрали и восстановили кратно больше артефактов, нежели действовавший в форте в 1975-1980-х годах филиал №1 Центрального Военно-морского музея. Но прошли годы, интерес правительства области к форту сошел на нет, и мы как были, так и остались одни.

И мы пошли дальше. Создали Народный музей форта как центр по его сохранению и по воссозданию здесь музея береговой обороны под открытым небом. И теперь, спустя 10 лет, можно сказать, что в стенах музея пульсирует полнокровная жизнь народной заботы и деятельного паломничества к военной святыне Отечества.

Как вам живется и работается в крепости?

На всякий случай напомню, что строили форт после Порт-Артура, учитывали уроки русско-японской войны. Проект подготовил известный военный инженер, фортификатор, генерал Константин Иванович Величко. Он при Куропаткине в японскую войну состоял, много укреплений там спланировал. Здесь казематы, толщина стен – три с половиной метра бетона, почему прямую трубу печную не сделать. Мы над окнами боевыми прорубаемся горизонтально, три с половиной метра, а потом вынуждены трубу загибать и высоко задирать, чтобы тяга была. Вот такие издержки проживания в крепости и приспособления ее под музей.

Но наше центральное помещение недаром здесь находится. Рядом бетонные ворота, единственный въезд для тяжелой техники. Орудия похитить, вывезти у нас вооружение можно только через эти ворота. Мы обречены быть на посту. И стоим на нем уже одиннадцатый год.

Вообще эта часть форта казармой была – обе войны, в Первую и во Вторую мировую, в Великую Отечественную. Здесь была жизнь всегда.

Крыша, кстати, земляная-то плотная, а бетонная за сто лет стала протекать. Приходится полностью снимать землю. Вообще земля поверх бетона – это противовзрывная одежда, а под нею сложная конструкция крыши. Прошлой осенью мы провели шесть трудовых

вахт, до 50 человек в каждой, чтобы вручную снять землю и потом трактором ее разровнять. Сейчас новая забота предстоит.

Один предприниматель купил для нас изопласт, надо под него гидроизоляцию сделать. Мы купили мастику, гудрон. Нужно 200 килограмм мастики, чтобы пропитать бетон тысяча девятьсот десятого года, а бетон у нас особый, на извести, пористый, заливать его нужно щедро. Дальше – изопласт, а потом землю сверху. Дамы, бывает, на экскурсию приезжают, ходят на каблуках тонких и протыкают крышу. Приходится думать и об этом.

Народный музей – это ведь не только сам форт, правильно? Вы же шефствуете, если можно так выразиться, и над мемориалом морякам-балтийцам, который находится в километре от форта?

Да. И этот участок тоже пытались занять под застройку. В один прекрасный день, в пятницу, мне говорят: к понедельнику предоставьте документы, что это братское кладбище. Мы поступили вот каким образом. У нас есть кладбище, еще совсем недавно там существовала кладбищенская мастерская по выбиванию надгробных камней. Мы быстро собрали деньги по кругу, купили плиты и сделали надписи, а в воскресенье сошлись здесь с ребятами – военно-исторический клуб, лоцманский тогда, – и на берегу залива при отливе собрали около двух тонн снарядов. Это огромные осколки, ведь снаряды весили 475 килограммов. Мы залили эти две тонны снарядов вместе с арматурой, чтобы выдернуть уже было невозможно. Погибшие простят, мы ради них сделали. Утром в понедельник приехали те господа – а теперь вот им надо было доказывать, что это не кладбище. В общем, мемориал мы отстояли и до сих пор о нем заботимся.

Еще в семьдесят пятом году хотели поставить две мраморные плиты с описанием подвига форта Красная Горка и Ораниенбаумского плацдарма, но средств не выделили, затею не осуществили. Мы от себя поставили столбики, а потом вдруг появилась другая проблема. Центральная часть мемориала – с надписью в честь тех, кто тут погиб. Причем фамилии указаны только для офицеров-наблюдателей, погибших в Великую

Отечественную войну.
Главное в этом мемориале – бескозырка. Оригинальную украли в девяностые годы, она была латунная. Мы приварили каску, залив ее бетоном. И каску украли. Мы тогда вторую каску приварили, а потом сделали нынешний антивандальный вариант. Девятого мая шестнадцатого года поставили. Сделали бескозырку из черного габра. Помогли реконструкторы из Выборга. Мы ее как бы утопили в основание и после этого приклеили специальным составом, чтобы нож не просунуть.

Теперь у нас вторая задача. Летом растительность закрывает море. А в советское время проект создавали с видом «небесной линии»… Совсем недавно мы получили разрешение спилить все деревья до

определенной высоты. Тут же липа, она после спила будет расти вбок, а не вверх. Мы, кстати, разыскали того архитектора, из семьдесят пятого года. Он к нам приезжал, четыре раза был, увидел, что есть люди живые, кому это интересно и важно. И сам просил: верните «небесную линию».

А мачты рядом с мемориалом – это памятник кому?

Я сам долго задавался вопросом, что у нас такой за памятник. Три эсминца погибли у форта Красная Горка в девятнадцатом году, 21 октября, и останки этих ребят лежат здесь. Вот и решил, что это в честь экипажей трех

эсминцев.
Но документов не было. Пришел в Военно-морской музей, к начальнику отдела артиллерии. Ростом он был, наверное, метр пятьдесят и сидел на таком кресле резном, вроде трона. Этого человека куда-то позвали, он слез со своего трона, а я подошел взглянуть. Там кожа, в палец мой толщиной, посередине разорвана. А вместо ваты положены бумаги. В общем, наклонился я посмотреть. И на верхней папке написано: «Мемориал форта Красная Горка».

Когда он вернулся, я говорю – как хотите, но я вам не могу это оставить. Он говорит: мол, принеси мне взамен такой же толщины и забирай. Я купил бумаги писчей два килограмма, обменялись. И вот так мне досталась рабочая папка всех работ, связанных с мемориалом, в том числе всех проектов.

Среди прочего там было написано, что собирались поставить три флагштока-мачты для флагов – СССР, РСФСР и Военно-морского флота. Как все оказалось приземленно, а я-то надеялся на романтику…

Да, вид отсюда и вправду романтический…

Форт Ино виден при хорошей погоде. И с нашего обрыва хорошо виден Кронштадт, Морской собор, вся картиночка… Такая вот видовая площадка. У этого обрыва, кстати, снимался фильм «Незабываемый девятнадцатый». Это истинное украшение нашей территории.

Государство вам как-то помогает?

Начну, пожалуй, издалека. Наши инструменты – вот, смотрите. Лопаты. Перфоратор. Отбойный молоток. Строительный пылесос. Болгарка маленькая, болгарка большая. Еще один отбойный молоток. Мы с бетоном работаем. Был бы инструмент, и все получится. Это, соответственно, двухтонная лебедка, до трех тонн берет. Есть поменьше лебедки.

Мы таскаем полевые телефоны с собой, потому что мобильная связь здесь не работает. Полевые телефоны растягиваем, у нас 11 полевых телефонов. Надежная проводная связь! И две катушки по тысяче метров. А у нас еще есть парные коммутаторы, так что не вопрос – соединим!

Мы не тратим ни копейки на личное потребление. Только на инструменты и на продовольствие. Маленькие деньги. Но мы жутко независимые. У нас нет воды, у нас электроэнергия на улице – сами видели, там бензиновый генератор стоит.

А делаем, что можем. Собрались и сделали, сегодня или завтра сделали. У нас нет такого, чтобы идти к власти, к вертикали какой-нибудь. Я сам – вертикаль. Вместе решаем, вместе делаем. В этом и есть творчество. Вот то, что ребятам нравится: придумали – сделали, исполнили. А потом ходим и гордимся…

Каким Вы видите музей и сам форт через 5 лет?

Скажу о сокровенном. Вот настанет время государственной заботы и попечительства над родной стариной и национальной гордостью… Я надеюсь, что будет создан национальный историко-культурный заповедник, и в него войдут форты Красная Горка, Серая Лошадь, Бухарин (батарея 8-дюймовых орудий в Пулково), стрельбовая площадка железнодорожной артиллерии Алютина (Гора-Валдай), аэродромы Борки и Гора-Валдай, гидроавиабаза Гора-Валдай, и все это – на территории регионального заказника «Лебяжий». А рядом – места для рекреации, т.е. наши Паланга и Рижское взморье на последнем остатке Русской Балтики!

К содержанию

ДМИТРИЙ СОЛОННИКОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

«По 70-й параллели»: северные регионы Северо-Запада

Дмитрий Владимирович Солонников – директор АНО «Институт современного государственного развития (ИСОГОР)».

Хотелось бы поговорить о «Севере» в топониме «Северо-Запад», прежде всего в культурно-историческом, а потом уже в экономическом и политическом значении. В последние годы освоение Севера вновь приобрело актуальность. С чем это связано?

На мой взгляд, актуализация идет из нескольких проектов. Во-первых, актуализация началась не год, не два года назад, не в последние несколько лет. Актуализация началась, когда была достаточно высокая цена на нефть, и вопрос находящихся на северном шельфе ископаемых стал достаточно злободневным.

В этой ситуации был осуществлен целый ряд экспериментальных проектов, предпринят ряд экспериментальных разработок, причем в

относительно небольшом временном промежутке. Было начато освоение шельфа недалеко от континента, предприняты попытки выяснить что-то в дальней части Северного Ледовитого океана – на хребте Ломоносова и еще дальше. По этому поводу была создана серьезная информационная волна, которая говорила о серьезных перспективах России в Арктике.

Это действительно экономическая программа, действительно серьезная экономическая стратегия – Россия заявляла о своем праве на эти территории, привлекала международных инвесторов к освоению этих территорий. И это была государственная стратегия развития – у кого-то нефть в Персидском заливе, а у нас она, к сожалению, в Северном Ледовитом океане. И актуализируя таким образом «северную тему» и «северную экономическую тему», Россия должна была добиваться и признания своего права на эти территории, соответственно, все, что касалось истории России в Арктике, стало активно подниматься.

Мы не только разведали хребет Ломоносова, не только опустили туда батискаф, но и был поставлен вопрос об историческом присутствии России в Арктическом регионе. Поэтому тема Арктики стала актуальной.

Кроме этого, без сомнения, здесь и расчет на потепление климата, на освоение Северного Морского пути – во второй раз, и попытка сделать северные территории пригодными для туризма, но это уже третья итерация. Поэтому появилась государственная программа развития Арктики. К ней было приковано серьезное внимание, был создан целый ряд общественных институтов, которые занимаются данным вопросом.

Актуальной Арктика стала, прежде всего, с экономической точки зрения – с экономической точки зрения на определенную перспективу, и дальше эта перспектива нашла отражение в сегодняшнем дне.

СЗФО – округ, сразу 4 региона которого можно назвать северными. Есть ли что-то, что эти регионы объединяет? Причем как с позиции внешнего наблюдателя, так и изнутри? Нет ощущения, что отличия между субъектами существеннее, чем то, что их объединяет в рамках округа?

Конечно, их объединяет достаточно многое. Объединяет серьезнейшая зависимость всех субъектов от континентальной, центральной части страны. Ни один из этих субъектов федерации не является полностью самодостаточным; даже такой экономически успешный субъект, как Ненецкий автономный округ, серьезнейшим образом зависит от поставок с материка. Там нет такого количества теплиц, которые обеспечивали бы Нарьян-Мар продуктами питания, нет такого количества животноводческих комплексов, которые обеспечивали бы его мясом, поэтому все северные территории зависят от того, что происходит на материке. И это принципиальный вопрос.

Для них для всех нужна транспортная связность, логистическая связность. Для них всех важна координация работы с федеральными органами власти. Для них всех важно присутствие России в целом в полярной области.

Пока для России северная часть была неактуальна, северные территории постепенно вымирали, сами по себе, вплоть до того, что срывался северный завоз. А для них всех это – вопрос выживания. И они все серьезнейшим образом зависят от российского законодательства, которое, к сожалению, принимают не у них, а принимают федеральные органы власти…

Когда включают в перечень продуктов для северного завоза не подлежащие усиленному налогообложению пункты, туда забывают добавить сухое молоко. Пишут «сублимированное», то есть сгущенка, а сухое молоко – нет.

Для них всех серьезнейший вопрос, специфический для региона, – быт кочевников: как те могут ездить, передвигаться по тундре, условно говоря – можно собирать валежник или нет. Кочуют оленеводы, и вопрос – им килограммы-тонны дров везти с собой на всю зиму на все зимовье, официально купив их где-то, или они могут собирать сухостой и валежник по пути движения? Законодательство сейчас поставлено так, что – не могут.

Для них всех это – проблема. Любого из них можно тут же обвинить в нарушении закона.

Это – экономико-политическая зависимость, а если смотреть с точки зрения идентичности?

Это я говорю о сегодняшней ситуации. В принципе мы сталкивались с забавной ситуацией, когда были выборы губернатора Архангельска. Как известно, губернатор Архангельска до этого был мэром Якутска, и вот лозунг был, что у нас, северян, – общий характер. То есть мы – северяне. И это работало.

Люди, живущие на Севере, они своих чувствуют как «людей одной крови». И хоть он приехал из-за Урала, из Якутска вообще – где Архангельск и где Якутск! – но у нас, у северян, общий характер, и это работало. Поэтому такое ощущение есть. С другой стороны, конечно, есть разделение по принципу того, что в национальных автономиях, например, в Ненецком АО – русское население и ненецкое население. Но…

Но с этим жить можно.

Да, с этим жить, в основном, можно. На этом, без сомнения, играют определенные политики, которым нужно сделать пиар, но, в принципе, внутреннего отторжения сильного нет, потому что каждый занимает свою нишу: русские кочевьями не занимаются, с оленями не ездят… Вопрос, как построить систему так, чтобы у каждого, кто занимается своим делом – кто занимается рыбной ловлей, кто занимается добычей полезных ископаемых, кто действительно кочует с оленями, – чтобы у каждого была своя возможность. Тут-то пересечения интересов, конкуренции нет.

В этом смысле самоидентификация зависит от рода деятельности?

Да, я думаю, во многом так. Потому что одно дело – северные полярники, которые исследуют арктический пояс, ученые – это одно, другое дело – нефтяники, они в основном вахтовым методом работают: приезжают, поработают и уедут обратно. Местное население – оно всегда местное.

В этом отношении очень интересна идентичность поморов, уникальной народности. Поморы исключительно в районе Белого моря были сконцентрированы, и всё. Во всех остальных местах – либо коренное население, или уже туда пришедшие когда-то русские, которые начали что-то осваивать. А поморы в этом отношении уникальны – это единственный этнос славян, который, выйдя к морю, стал народом-мореходом.

Нигде в другой части света славяне, выходя к морю, мореходами не становились – нигде, ни на Балканах, ни на Балтийском море великими мореходами они не стали. А поморы – да, великие мореходы, принявшие участие в Великих географических открытиях, действительно народ, который абсолютно сроднился с морем, в самых худших из всех условий. И хоть в районе Балтийского моря славяне жили давно и живут до сих пор, они дальше Балтики не ходили, да и по Балтике не очень активно ходили. Основными перевозчиками на Балтике были немцы или шведы.

Отличие здесь получается больше не между субъектами, а между людьми. То есть играют роль национально-культурные отличия, а не разделение по административным границам?

Нет, конечно, потому что те же ненцы живут в нескольких субъектах федерации, и это не мешает их идентичности, не мешает их взаимодействию с органами власти в каждом из субъектов федерации, их взаимоотношениям с соседними субъектами федерации, взаимоотношениям с другим населением.

Больше получается взаимодействия по горизонтали…

Конечно. Сейчас есть такая тенденция, и мне кажется, она ошибочная, попытка создать мононациональные образования – давайте, мол, сделаем Ненецкий край вдоль всего побережья океана. Этого нельзя делать. Во-первых, ненцы далеко не везде в большинстве, потом – разные социально-экономические условия…

Сразу тогда вопрос: в этом смысле насколько СЗФО отличается от других федеральных округов – Уральского, Сибирского, Дальневосточного?

Еще раз: СЗФО принципиально отличается, на мой взгляд, тем, что именно на этой территории славяне сразу вышли на Север. И историческое освоение Севера здесь шло всеми народами сразу и имеет очень глубокий исторический пласт. Центральное государство, представленное Новгородом, потом Москвой, здесь всегда было, присутствовало в освоении Севера. За Уралом – чем дальше за Урал, тем больше, – центрального государства было куда меньше. Оно появлялось эпизодически. Периодически с военными экспедициями, с военными походами. Поэтому здесь принципиальное отличие.

Насколько тогда значимо для развития северных регионов СЗФО межрегиональное сотрудничество в рамках, например, «Арктических проектов» и других подобных программ?

Без сомнения, это важно. Мы уже говорили об этом. Во-первых, такое сотрудничество важно для лоббирования своих интересов в федеральном центре. Возьмем проект строительства железной дороги в Полярный Урал – «Урал промышленный – Урал полярный». Его лоббировали-то, говоря о том, что это будет выход за Полярный круг, будет связь с другими регионами, находящимися за Полярным кругом, и т.д., и т.п.

Каждый отдельно развивающийся субъект федерации, каждый отдельно развивающийся этнос, территория, экономический блок за Полярным кругом сам по себе, как мы уже в начале говорили, не самодостаточен. Он всегда работает в некоей единой государственной системе. Поэтому он в нее должен «вписываться».

Если говорить о возрождении городов по линии Северного морского пути, то только возрождение Севморпути делает оправданным существование этих городов. Отдельно возрождать Тикси, отдельно возрождать Певек, отдельно возрождать другие поселения – нет целеполагания. Если идет речь о том, что будет объединяющий большой проект, тогда понятно, зачем они есть.

Поэтому должны участвовать все субъекты федерации всех заинтересованных округов.

Да.

Насколько значимо для этих регионов трансграничное сотрудничество в рамках Арктического форума, программ Баренц-региона и т. п.?

Мы опять же возвращаемся к началу нашей беседы. Для России это крайне важно для того, чтобы закрепить международную поддержку, международное признание своих претензий на арктические территории.

Поэтому участие в трансграничном сотрудничестве крайне важно. Другое дело, что все эти форумы, без сомнения, используются для продвижения собственной повестки дня всеми участниками.

Те, кто не заинтересован в развитии российской арктической нефтегазовой программы, будут говорить, прежде всего, об экологии, о том, что это – уникальная экосистема, там ничего нельзя делать, ни в коем случае нельзя там строить плавучие буровые и т.д., и т.п. Будут насаждать вот такую повестку дня.

Но всегда вопрос возникает: чем экологическая система Баренцева моря более уникальна, чем экологическая система Мексиканского залива или Персидского залива? Там они менее уникальны, что ли? Там наплевать, а тут мы как раз сохранять будем? Эта логика всегда теряется, но такую повестку дня продвигают. И для ее продвижения используются международные организации.

Хорошо, что они есть, хорошо, что на них можно посмотреть, оценить, что нам говорят, посмотреть, как мы с этим можем взаимодействовать, выставить свои альтернативные аргументы…

Дальше, без сомнения, работа в Арктике все равно требует координации, каких-то действий. Как бы кто ни работал, периодически нужны спасательные экспедиции, нужны какие-то

координационные научные совместные исследования, поэтому это нужно. Да, конечно, когда мы говорим о защите флоры и фауны, тоже нужна совместная деятельность. Бессмысленно в одном месте вылов какого-то вида тюленей запрещать, если через 200 миль, в соседней экономической зоне, его станут активно убивать законно. Об этом тоже нужно договариваться. Поэтому такие организации нужны.

Подобного рода проекты являются еще и площадками для взаимодействия.

Они прежде всего такими должны быть. Нет, никто не отрицает того, что это прекрасная, интересная тусовка, и приятно несколько раз в год съехаться вместе за бюджетный счет посидеть, о чем-то поговорить. И, конечно, это есть. Но это не главное. Такое налицо во всех подобных мероприятиях.

Проблема в том, что остается в «сухом остатке». Здесь «сухой остаток» есть, конечно. Ну, опять же, мне кажется интересным такой момент.

Сейчас активно говорится о двух зонах трансокеанского сотрудничества – Тихоокеанское экономическое кольцо и Трансатлантическое сотрудничество. И то, и другое рассматривается как потенциально возможная зона свободной торговли – Тихоокеанская зона свободной торговли, Атлантическая зона свободной торговли. И то, и другое – зона развития контактов, прежде всего экономических.

А ведь Северный Ледовитый океан в этом отношении гораздо более «закольцован», чем Атлантический или Тихий океаны. Он в этой ситуации как бы выпадает, и, конечно же, создание мифа, идеологии Северного экономического кольца было бы крайне интересно, крайне продуктивно.

Но пока этого не получается, в зоне Северного Ледовитого океана находятся в основном страны, друг с другом не очень взаимодействующие. Или взаимодействующие через другие институты.

Канаде и Соединенным Штатам не нужно создавать какого-либо дополнительного института для взаимодействия, равно как и Евросоюзу и Соединенным Штатам. При этом взаимодействие с Россией пока не очень-то выстраивается. А других игроков тут нет.

Верно ли, что здесь главный экономический элемент – заработает ли по полной Севморпуть?

Да, конечно. В свое время пытались же это сделать – в 1930-е годы, когда были хорошие отношения между Советским Союзом и США. Сделать трансполярное авиасообщение, и действительно удалось рейсы запустить, связь на судах. Тогда это всё развивалось. Идеология того, что Арктика станет зоной контакта, продвигалась в 1930-е годы очень активно. Да, самолеты летали, корабли плавали, правда, меньше… А сейчас основный вопрос – как пролетят ядерные боеголовки…

Выходит, сотрудничество такого рода важнее не для самих регионов, а для центра? Для самих регионов оно играет больше презентационную роль?

Когда невозможно решить вопрос на уровне центра, решают вопрос на уровне региона. Когда есть серьезное противостояние между государствами – у каждого своя идеология, у каждого свое видение, – то можно идти от малых вопросов к крупным. Сначала – малые региональные вопросы, а потом, когда вроде бы все решено и уже создана комплиментарная атмосфера, можно переходить к более крупным вопросам. Поэтому сейчас, для того, чтобы приступить к решению государственных вопросов, нужно наладить взаимодействие региональное. Это проще.

Можно сказать, что задача несколько изменилась? Раньше стояла задача сотрудничества между государствами, а теперь – сотрудничество на малом уровне, через которое возможно возрождение…

Да, возрождение государственного сотрудничества. Но государственное сотрудничество было давно, в 1930-х годах и во время Второй мировой войны – вспомним арктические конвои… Когда есть

заинтересованность в стратегическом сотрудничестве двух систем, прежде всего Соединенных Штатов и России, тогда вспоминают о том, что Северный Ледовитый океан может быть зоной сотрудничества, как было в 30-е годы и годы войны.

Как только подобное сотрудничество между этими странами распадается, Северный Ледовитый океан становится зоной исключительно военного противостояния. И вот тогда уже мы возвращаемся к идее того, что Россия здесь продвигает свои интересы, пытается чего-то добиться, пытается что-то сделать.

Оправданно ли применительно к северным регионам СЗФО говорить о наличии или формировании некоей общей северной идентичности?

Идентичность на Севере вообще очень сложная. Есть Северный военно-морской флот. Понятно, там своя идентичность, для них гораздо ближе офицеры Черноморского флота, чем кочевники-ненцы. У ученых из Института Арктики и Антарктики – что полярники в Антарктиде, что полярники здесь, – своя идентичность. Поэтому она сложно строится, без сомнения.

Можно ли сказать, что некая общая связанная идентичность в рамках федерального округа существует, но она достаточно слаба?

Да. Трудно сказать, к кому ближе по своей идентичности жители Мурманска – к жителям Нарьян-Мара или к петербуржцам, а в Мурманске очень много людей учившихся, живших в Петербурге или как-то еще связанных с ним. К кому мурманчане ближе по ментальности? Это еще большой вопрос, с кем они больше себя ассоциируют…

То есть нельзя однозначно говорить об общей идентичности?

Ну да. Даже на Северо-Западе нельзя, а уж тем более ассоциировать себя с жителями того же Певека или Норильска – это если говорить об «арктической» идентичности и вообще туда уходить… Можно сказать, что такая идентичность есть – но она одна из многих, не единственная, и явно никак не доминирует для всех в округе.

Самоосознания такой идентичности нет, но как инструмент она используется, если вспомнить ваш пример о выборах губернатора Архангельска.

Да, конечно. И опять же, когда мы говорим о возможности переездов, о мобильности, то мобильность-то в основном идет с севера на юг. Мало людей, которые представляют позитивные возможности своего переезда в Мурманск или Архангельск, из Мурманска в Воркуту или далее по Северу.

Если люди говорят, что собираются куда-то переезжать, то это Москва, Петербург или заграница. Мы, ИСОГОР, когда-то это исследовали, и выяснили, что переезды осуществляются из малых городов в крупные, из более крупных городов – в центры субъектов федерации, а дальше – или в два наших мегаполиса, или за границу. А переезд из Мурманска в Архангельск выглядит очень странно.

Теоретически он может состояться в рамках какого-то проекта: ученый что-то исследовал в Мурманске, теперь – в Архангельске. Да, это возможно. Был удачный журналист в Архангельске, поехал с повышением в Нарьян-Мар – ну да, это тоже возможно. Но это частные случаи, это не массовое явление.

Да и вся мобильность на Севере – сугубо профессиональная. Когда люди говорят о возможности поехать на Север (или на Дальний Восток) – они рассуждают исключительно с точки зрения профессиональной реализации. Предложили по контракту работать в Хабаровске – человек из европейской части страны может поехать в Хабаровск, в Комсомольск-на-Амуре, но временно, с осознанием, на какие деньги он готов поехать.

Тогда поставим вопрос так: можно ли говорить о существовании или формировании каких-либо общих для Севера культурных и культурно-географических

брендов? Или каждый регион развивает собственный бренд?

На мой взгляд, мы говорим сразу о нескольких вещах. Есть бренды, «заточенные», созданные для туристической привлекательности. Эти бренды на Севере существуют, сейчас раскручиваются, получают международное признание. Да, они интересны. Бренды общие, природные, такие как северное сияние, существуют.

Но хорошо это было выражено в советской героической литературе, в советском героическом искусстве – и картины, и песни, и «северная лирика»… Сейчас этим никто не занимается специально, а подспудно, само по себе – не получается.

Чего-то такого, что могло бы объединить, нет?..

Пока – нет. Но есть ассоциация полярников, есть люди из Института Арктики и Антарктики, которые пытаются это брендировать. Есть героические ледоколы, участвовавшие в Севморпути…

По сути, получается совсем немного: освоение Арктики как подвиг – в широком смысле этого слова, Севморпуть… Что еще может объединять?

Научные исследования, Папанин… Ну и что-то связанное с искусством – в меньшей степени. Советский фильм «Семеро смелых» – кто его сейчас помнит?.. Песни Кола-Бельды…

Получается, как таковых брендов по Северу нет?

Пока нет.

А в отдельных субъектах федерации?

Локальные бренды, конечно, существуют. Мурманск – город воинской славы, город-герой, там свои памятники… Архангельск – поморы, Ломоносов, Холмогоры… Нарьян-Мар – чумы, олени…

Если говорить о брендах, то для многих жителей России общим северным брендом является Поморье и поморы. Насколько это верно?

Ну, это верно далеко не для всех. Поморы на Кольском полуострове «не работают», в Коми уже «не работают». Поморы – это архангельский бренд. Это побережье Белого моря, Архангельская губа.

То есть представление о распространении «поморского» бренда за пределы Архангельской области – это аберрация восприятия со стороны?

Да, конечно.

Поморы брендом для всего округа не являются…

Для всех – нет, разумеется. СЗФО на своем уровне поморов может «раскручивать» как собственное, как общее коллективное «представительство». Но поморы сами по себе – они не присутствовали на всей северной части территории СЗФО.

Есть другая история – про Пустозерск. Это самый древний северный город на Руси, сейчас мертвый. Он же не поморами основан, он основан Московским княжеством. И если Север осваивался в основном новгородцами, то Пустозерск заложен Москвой. Они шли по Печоре туда и создали перевалочный пункт, откуда уходили в Сибирь, а затем туда возвращались, там зимовали и поднимались по Печоре обратно к Москве. Но опять же, Пустозерск – это локальное, связанное с остальной историей освоения…

Таким образом, существующие локальные бренды между собой практически не конкурируют?

Нет. Там нет такого большого туристического потока, чтобы вызвать конкуренцию. Там пока не за что конкурировать. Пока они все работают на привлечение туриста на Север, на имидж, а дальше – мол, люди что-нибудь да выберут.

И бренды совершенно разные: одно дело – поездки на Шпицберген, плавания на ледоколе к Северному полюсу – это одна ценовая категория, одна степень комфорта, другое – катания на собачьих упряжках…

А если говорить не только о туристических брендах, а шире?

Тоже каждый за себя, у каждого свое: где нефть, где алмазы, где пушнина, где рыба, где Севморпуть… Везде свое, и тут тоже нет такой конкуренции. Дальше – вопрос: конкуренция есть в рамках освоения федеральных средств, выделенных под программу развития Арктики. И здесь конкуренция существует. За дележ бюджета…

В этой связи такой вопрос: насколько полезным для развития этих брендов видится туристический проект «Серебряное ожерелье»?

Должна быть модной вообще поездка на Север. Для начала должно стать модно, что мы просто съездили на Север – не важно, куда. В этом отношении проект «Северное ожерелье», проект пропаганды, продвижения такого образа туризма – это интересно. Дальше уже в рамках этого «Северного ожерелья» потенциальный турист будет выбирать, что он хочет посмотреть. Или составит программу на несколько лет – туда, туда и туда. Вот это возможно.

Пока что, конечно, никакого массового туризма на Север нет, и это связано с целым рядом вопросов. И «Северное ожерелье» – попытка привлечь инвесторов, каких угодно – государственных, частных, – к созданию инфраструктуры.

Прежде всего, чего нет на Севере – нет туристической инфраструктуры. Проблема во всем – и в транспортной доступности, и в том, что летать можно только через Москву, и то не везде и не каждый день. Тоже смешно – рейсы из Петербурга в Архангельск иногда связаны через Москву, а в Нарьян-Мар – практически гарантированно через Москву проще получается, хотя вроде бы живем в СЗФО…

А дальше – все должно быть на местах сделано: гостиницы, подготовленные туристические объекты для посещения, туристические программы… Со всем этим сложности. На самом деле большинство туристов – в хорошем смысле слова – добрые ленивые люди, они не должны сидеть и выискивать: вот я приеду в Нарьян-Мар, чем бы там заняться.

Должны быть предложения. Он должен приехать и все на сайте Нарьян-Мара увидеть: вот – музей, вот – стоянка оленеводов, вот ты едешь сюда, можешь ресторан посетить, вот – съездить в Пустозерск, понятно, чем неделю заниматься. И какая-то тусовка там должна быть в течение недели. То же самое в Архангельске, в Холмогорах.

Огромное же количество мест просто «убито». Вот Холмогоры – старейшая столица Поморского края, место, где упокоился император Иван VI, место, где упокоился второй генералиссимус нашей страны принц Антон-Ульрих… А ведь там ничего нет. Холмогорский монастырь полностью развален. Могила императора – очень условная. А могила генералиссимуса вообще отсутствует. А теоретически для многих интересующихся историей страны Холмогоры могут быть таким же центром притяжения, как многие другие исторические места. Езжайте, смотрите!

В том же Архангельске Новодвинская церковь находится на острове, и туда не доедешь. Туда транспорт государственный не ходит, машина частная туда проедет не всегда, потому что то ледостав, то еще что-то… А там такой исторический пласт: первая крепость, которую Петр I построил в Северную войну, первое место, где был принят бой со шведами в Северную войну – когда шведская флотилия входила в Северную Двину… Но там ничего нет, полный развал…

Село Ломоносово – туда тоже не всегда доедешь, оно находится на острове, и чтобы из Архангельска туда попасть – или летом на лодке, или зимой, когда лед уже хорошо встал. Иначе туда не попадешь. А зимы все теплее, лед встает долго, а когда встанет, то он не очень крепкий. И в этом отношении туристическая привлекательность мест – сомнительна. Все есть, огромные центры – но туда не попасть!

Не говоря уже о других городах. Архангельск мы знаем, а Каргополь? Тоже место удивительное, оттуда родом первый губернатор Русской Аляски. Там монастырь огромный. Когда-то его поляки взяли. Поосаждав Москву, поляки потом пошли грабить и до Каргополя дошли…

То есть получается, что осложняет всё расстояние и слабая доступность?

На мой взгляд, именно отсутствие инфраструктуры. Буквально всего – ресторанов, гостиниц, транспорта…

Проблема в том, что всё требует немалых денег, причем сразу?

Чтобы сработало, должно появиться много вещей сразу: и гостиницы, и логистические маршруты, и транспорт, и туристические маршруты, и то, и пятое, и десятое… Вот что должно быть сразу.

Когда появляется только что-то одно, это не работает. Чтобы появилось все сразу, должна быть достаточно серьезная государственная программа. Без этого ничего не происходит. Когда говорят о том, что туризм у нас разовьется сам по себе, то это ерунда.

Весь крупный туризм, создание туристического бренда, туристического региона во всем мире – результат государственных программ.

Тот же курорт Сен-Тропе во Франции создавался в рамках серьезнейшей государственной программы, хотя, казалось бы, там сильно теплее и доступнее, да и сама Франция немного меньше. И все равно была огромная государственная программа, с пропагандой Сен-Тропе по телевидению, с пропагандой через кинематограф – мы все помним замечательные фильмы с Луи де Фюнесом, специально снятые, про жандарма из Сен-Тропе.

Тогда последний вопрос: возможно ли в перспективе возникновение межрегиональной и окружной идентичности? И какой это процесс – естественный или направленный?

Не думаю, что нужно специально работать для того, чтобы создать «арктическую» идентичность. У нас проблема с тем, чтобы создать общероссийскую идентичность вообще, а начинать с того, чтобы членить общероссийскую идентичность на одно, второе, третье, четвертое, на мой взгляд, совершенно не нужно.

Если среди многих идентичностей в том числе будет и «арктическая», то очень хорошо. Она, как одна из многих, тогда будет работать. Но тогда она должна быть «арктическая вообще», а не «арктическая Северо-Западного федерального округа».

Будут проекты, объединяющие всю Арктику, будет Севморпуть, будет освоение природных ископаемых – будет идентичность. Не будет этого, значит, каждый будет жить сам по себе, с большей связностью «север – юг», чем со связностью живущих на 70-й параллели…

Для формирования идентичности нужна причастность.

Да, нужно содействие – организованное совместное действие. Будет оно – будет идентичность. У людей будет общая судьба. Пока этого нет, то и другого нет.

К содержанию

СЕРГЕЙ ТЕЛЕШОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

«Чтоб старшие делились с пацанами тем, что им жизнь нелегкая дала»

Сергей Владимирович Телешов — руководитель «Петербургской патриотической молодежной добровольческой экспедиции “Оборонная тропа”».

Расскажите, пожалуйста, что такое мемориал «Оборонная тропа» и как он возник?

Идея «Оборонной тропы» принадлежала трем ребятам из Одессы, сейчас им лет, наверное, под 75. Они работали на заводе, увлекались альпинизмом и туризмом, а к своему замыслу привлекли детский клуб «Романтик». Потом к ним подключились и другие, со всей страны – ведь тогда очень многие туристы ходили через кавказские перевалы.

Я сам впервые побывал на Кавказе в 1985 году. Совершенно случайно – мне сказали, сходи-ка вот в Архыз, в Теберду. И я с группой ребят пошел, и мы увидели на одном из перевалов, вернее, на нескольких перевалах, что люди ставят какие-то памятники, с текстами. И мы выяснили, что это мемориал «Оборонная тропа», 29 км ее проходит по нынешней российской стороне, а 20 км уходит в нынешнюю Абхазию, тогда – Грузию.

То есть это была не государственная программа, а деятельность инициативной группы?

Да. Это были одесситы, они тогда узнали о боях на горных перевалах, прочитав вышедшую в

1962-м или 1963 году книгу «Тайна Марухского ледника». Прочитали, вдохновились, пошли на маршрут, стали памятные знаки ставить… Специальные плиты – гиды. Это такие гранитные блоки, полтора метра на полтора, и на нем надписи, что вот здесь была такая-то позиция, наша или немецкая, такие-то были события… Идешь-идешь, и через пять километров такой блок, на перевале – еще один, идешь дальше – еще блок. Мы все это тогда же сфотографировали, и потом снова туда в 88-м году пришли.

Среди энтузиастов – строителей мемориала нам встретился журналист из «Кругозора» Борис Савельевич Вахнюк, известный бард. А я как раз взял с собой маленькую книжечку со стихами разных поэтов-бардов, и там нашлась одна его песня – «Давайте собираться у стола». Я ему передал эту книжку, чтобы автограф получить, а он тут же сочинил еще один куплет, который, естественно, остался только у нас. Больше никуда он никогда не вошел. И строчки там потрясающие: «Давайте собираться у стола / и у костра, зажженного не нами, / чтоб старшие делились с пацанами / тем, что им жизнь нелегкая дала». И еще Борис Савельевич приписал, простите, мол, за рифмованную педагогику. К сожалению, он трагически погиб в 2005 году – в Москве попал под машину.

Это были первые наши походы – 1985-1988 годы. Мы, конечно, познакомились, но никаких адресов не записали. Просто знали: одесситы, их Одесский горком или обком комсомола направлял; а потом всё оборвалось, все связи… Рухнуло финансирование – ведь мы ходили со школьниками нашего Дворца пионеров и ни у кого особенно денег не было, чтобы в горы на Кавказ выезжать.

Поездки мы возобновили с 2004 года, стали опять туда выбираться, и оказалось, что групп ходит намного меньше… Раньше было как? Идешь на перевал, тебе навстречу – 2-3 группы. Остановился – 2-3 группы тебя обгонят. Сейчас – идешь, можно вообще никого не встретить, только по записке – на перевалах записки обычно оставляют – видно: две недели назад прошла какая-то группа, десять дней назад прошла другая группа. Очень мало туристов, и то большинство – с Украины, а российских – очень мало.

И с этого, собственно, началась ваша экспедиция?

Да, сначала мы тоже ставили плиты-памятники на перевалах, а с 2009 года решили, что нужно на этих перевалах ставить отдельные знаки о том, что это перевалы воинской славы. Мы устанавливаем гранитные таблички, размером 30 на 60 см, как раз по «спине» рюкзака, чтобы можно было принести на руках. Нами поставлено уже 26 плит на 26 перевалах, на двух перевалах даже с двух сторон – то есть 28 плит получается. Две – с абхазской стороны, на Марухском и на Клухорском перевалах.

А как к вам присоединился Михаил Михайлович Бобров? Или это вы к нему присоединились?

Когда я еще в первый раз вернулся с Кавказа, в отделе краеведения и туризма – был такой во Дворце пионеров, – мне говорят: а вот же Михаил Михайлович Бобров, он в курсе всех тех

событий. И мы в 1985 году с ним подружились; получается, что уже чуть ли не 32 года дружим…

М.М. Бобров, почетный гражданин Санкт-Петербурга

Сначала он меня привлекал к технической работе – составлять список ветеранов горно-стрелковых отрядов; их тогда было 22 человека, сейчас осталось только двое. Мы с ним связь поддерживали, и в 2004 году я предложил: давайте сходим в горы, посмотрим, в каком состоянии мемориал – ведь немало уже лет прошло.

Пошли и ужаснулись. Технология-то старая какая была? Бетонную плиту делали основательно, сверху – сантиметровый слой цемента и буковки на штырьках. А летом там – под плюс 50, зимой – под минус 40, цемент – не самый качественный. Ведь все за свои деньги делалось, ребята-одесситы сами все носили. И выяснилось, что буковки осыпаются, а в некоторых местах надписи вообще не прочитать.

Я и предложил – давайте попробуем восстановить, записи-то все есть. С Михаилом Михайловичем проконсультировались, он одобрил. При его поддержке – он ведь лицо знаковое, почетный гражданин, все губернаторы к нему хорошо относятся, не отбояриваются, – получили хорошую прессу, про нас статьи напечатали, и даже несколько лет выделяли грант определенный, но на достаточно суровых условиях.

А можно поподробнее об условиях?

Обычно экспедиция на 24 дня стоит от 200 до 300 тысяч рублей, и таких денег лично мне никто доверить не может.

Должна быть общественная организация, которая выиграет конкурс, а я схожу, всё сделаю, и мне потом заплатят… В общем, мы ходили все равно за свои, а потом через два-три месяца – однажды аж через 6 месяцев – эти деньги возвращали. Я в итоге сказал: нет, больше мы так не играем.

Последние два года мы ходим только за свое и называемся поэтому Добровольческой патриотической экспедицией.

Но нам помогают, конечно: в газетах пишут, губернатор Петербурга по нашей просьбе писал письмо президенту Абхазии, чтобы нас там с их службами «состыковали» – с пограничниками, с ГБ, потому что мы в том числе ходим в известное Кодорское ущелье; туда просто так вообще не войти, а нас пускают, в сопровождении пограничников. Еще, конечно, спасатели, местные жители, местные журналисты…

И сколько всего походов было?

В этом году мы уйдем в семнадцатую экспедицию. Когда начинали, то думали, что просто поправим старые памятники, а когда стали всерьез этим заниматься – оказалось, что есть еще перевалы интересные.

Мы ходили и в Карачаево-Черкесии, и в Кабардино-Балкарии, по тем местам, где Михаил Михайлович воевал. По всему Баксанскому ущелью, на всех перевалах, где воевали 5-й и 6-й горнострелковые отряды.

Теперь повсюду стоят плиты, от Чегемского ущелья и до Эльбруса, на высотах до 3500 метров. И даже на самом склоне Эльбруса, на уровне примерно «Приюта одиннадцати», на скале установлена плита «Ледник и перевал воинской славы». Мы принесли, пограничники отсалютовали – без выстрелов, – а спасатели потом специальными шлямбурами закрепили на скале. Прямо на высоте около 4200 метров, рядом с тем местом, где погибла рота лейтенанта Григорьянца – их останки нашли буквально два года назад.

Летом 2016 года там, где их захоронили, мы поставили плиточку от имени Совета ветеранов горнострелковых отрядов со словами Ольги Берггольц: «И вместе с Отчизной своей вы все одержали победу».

Почему именно Санкт-Петербург и – Кавказ?

Все просто: когда мы туда в 1988 году пошли, уже во второй раз, я разузнал, что там есть два музея – один на склоне Эльбруса, на высоте 3500 метров, – музей обороны Приэльбрусья, а в Карачаево-Черкесии, в поселке Орджоникидзевский, между Черкесском и Карачаевском, – музей памятников защитникам перевалов Кавказа. И в том числе у них были материалы по ленинградцам.

Мы сначала даже не знали, что там ленинградцы воевали. Оказывается, на Кавказе наши земляки сражались! В музее мне дали несколько адресов, и я нашел двух человек, которые там воевали. Они молодыми занимались в клубе авиаторов, летали в Горской, тренировались на самолетах ОСОАВИАХИМа.

Им было тогда по 18 лет, а когда началась война, они попали в летное училище, а потом их перебросили на Кавказ. И в 1942 году всех курсантов бросили на оборону Марухского перевала. Там всего было пятеро ленинградцев, трое пропали без вести, а двое вернулись. И Михаил Михайлович Бобров тоже воевал на этом перевале.

Кто поддержал проект вначале и кто поддерживает сейчас? Кто помогает в организации экспедиций «на месте», на Кавказе?

Самый главный наш «локомотив» – это Михаил Михайлович, а через него и других привлекаем. Валентина Ивановна Матвиенко, Георгий

Сергеевич Полтавченко, другие руководители, Комитет по молодежной политике Санкт-Петербурга.

Вообще без Михаила Михайловича было бы куда сложнее, не стану скрывать. И на Кавказе к нему с огромным уважением относятся. И не только к нему, кстати – ко всем ленинградцам, петербуржцам, потому что уважают Ленинград, и местное руководство, местные жители часто идут нам навстречу. А мы стараемся добром на добро отвечать…

Наши пограничники нам помогают, и абхазские – сопровождают нас в горах. Без их разрешения там нельзя. Мы всем пограничным заставам на Кавказе, где раньше стоял 5-й отряд, подарили книжку Михаила Михайловича «Записки военного альпиниста», с дарственной надписью.

Местные муниципальные организации тоже поддерживают, администрация Эльбрусского района, в частности, депутаты местных советов, патриотические организации, например, поисковый отряд «Мемориал “Эльбрус”» из Терскола. Сотрудники Кавказского и Тебердинского заповедников еще помогали…

Тамошние люди, кстати, особенные. На плато Лаго-Наки нам встретился совершенно уникальный человек – Рафик Аваджян. Ему за 60, живет в Дагомысе, он за свои деньги купил трубы, сделал из них флагштоки и теперь каждую весну выходит на эти перевалы и поднимает флаги – российский, адыгейский, советский. Каждый год надо флаги менять, и вот люди сами меняют, за свой счет.

А Рафик еще каждой весной, на 9 мая, в рюкзак укладывает коробку с гвоздиками, отправляется на места сражений и там к памятникам и могилам кладет цветы.

Кто участвует в экспедициях, как формируются отряды для выездов?

Прежде всего, это мои ученики, иногда даже уже бывшие. Вот, сейчас ходят два парня, присоединяются периодически, один чаще, другой реже, участники экспедиции 1988 года. Оба уже сами отцы, один специалист по камню, резчик и реставратор. И его собственные ученики, трое, сейчас с нами пойдут. Плюс друзья этих ребят – кто-то знает, что мы ходим, и просит взять своего друга или подругу.

Когда начинали в 2004 году, я думал, что за 4-5 лет быстренько управимся. А что получилось – в апреле идем в 17-ю экспедицию, собираемся установить на плато Лаго-Наки 5 плит «Перевал воинской славы», а в августе у нас уже 18-я экспедиция!

Обычно бывает одна экспедиция в году, потому что в горах в сентябре уже холодно и снег, и в июне еще может быть снег, поэтому временной промежуток очень маленький. Но иногда мы ходим на плато Лаго-Наки, туда удается и осенью сходить.

В этом году – 75 лет битве за Кавказ, август-сентябрь – начало октября – самый разгар боев, поэтому будут две вылазки.

С точки зрения организации: вы приезжаете группой…

Во-первых, мы всегда заранее пишем письма. Спасателей предупреждаем о поездке. За много лет пограничники и спасатели нас узнали, знают, зачем мы едем. На всех заставах… Мы заранее всё просчитываем.

Туда едем, естественно, на поезде, потом садимся на обычный рейсовый автобус, подъезжаем непосредственно к точкам, а потом, когда уже в горы уходим, попадаются места, где никакого транспорта вообще нет. Тогда либо нанимаем кого-то, или пограничников просим подсобить.

Самое трудное – это именно подъезды: прошли по перевалам, все сделали, а до поселка – 60 километров по горной дороге… Иногда местные очень выручают, и я считаю, что этим людям надо обязательно сказать «спасибо».

Один раз, когда приехал в поселочек с губернаторской грамотой чабану – он и айраном угощал, и на своей машине вывозил, – этот чабан долго не мог поверить, все время переспрашивал, неужто я специально с этой грамотой к нему приехал.

Сколько человек у вас обычно в группе идет?

У нас ходит обычно от 10 до 15 человек. Один раз, в 2014 году, было даже 18, но это как-то многовато получилось. В этом году стартует 10 человек, но к нам еще присоединятся трое ребят из Майкопа, и в сумме получится тоже 14-15 человек.

Хотелось бы остановиться чуть поподробнее на отношении детей к экспедициям. Сегодня много говорится об исторической памяти, о ее восстановлении или формировании, как угодно… Насколько, с вашей точки зрения, это вообще реально, учитывая, что вы работаете с детьми, причем в разном качестве – и как педагог по конкретной дисциплине, и как энтузиаст, который эту историческую память пытается поддерживать и восстанавливать? Понятно, что поколения меняются, для очень многих ребят сегодня условный айфон или компьютер интереснее походов, но насколько справедливы рассуждения о потерянном поколении? Стоит ли огульно обвинять то поколение, которое сейчас подрастает, что оно тоже потеряно? Или все-таки ситуация меняется?

Когда я собираюсь в поход и детей спрашиваю, кто хотел бы пойти, то всегда слушают рассказы о походах и фильмы смотрят с удовольствием. Нет таких, кто сказал бы: можно я уйду, мне это не интересно. Нет, слушают с интересом.

Но когда предлагаешь – можно пойти тогда-то и тогда-то, начинают мяться. Тут, наверное, и финансы надо учитывать: мы ходим за свои деньги – скажем, поход десятидневный будет стоить 15 тысяч, а 24-дневный обойдется в 25 тысяч рублей. И ребята говорят, что пошли бы, но не смогут, такую сумму им не осилить.

Куда мы таких должны зачислить? В категорию тех, кто не имеет исторической памяти? Наверное, они все-таки этой памятью обладают, но финансовое положение не позволяет участвовать.

Второй момент – позиция родителей, конечно. В прошлом году был мальчик, у которого папа воевал в Афганистане; он мне и говорит – мол, когда папа узнал, что я могу пойти в горы, то сказал, что надо обязательно идти. А в другой школе, несколько лет назад, девочка очень хотела пойти, но сказала, что ее папа воевал в Чечне и он категорически против.

Как отследить, из каких соображений родители соглашаются или отказываются?

К сожалению, нельзя дать однозначного ответа – есть у наших детей эта память или нет. Приходится оперировать практическими категориями, экономическими, социальными…

Правда, Михаил Михайлович Бобров в интервью, которое мы взяли у него, сказал, что современная молодежь образованна, умна, но все же недостаточно воспитана (это его оценка молодежи в целом).

Как, на ваш взгляд, меняется ли и насколько отношение молодежи – участников проекта к истории своей страны?

Начать надо с того, что смотря какой молодежи. Потому что проблема серьезная существует. Когда я начинал в 1985-1988 годах и говорил, давайте, ребята, пойдем в поход – просто в поход, – всегда набирались люди на субботу-воскресенье и на каникулы.

Мы на осенних и весенних каникулах ходили в Крым, прошли от Феодосии до Севастополя с разных сторон. Всегда в группе было человек 10-15 – легко набирались из одной школы. И на Кавказ мы ходили.

А сегодня ситуация такая: когда я в школе с количеством учеников в 400-600 ребят объявление делаю – для 8-х, 9-х и 10-х классов – хорошо, если наберется 2-3 человека. Причем девочки некоторые активничают, а мальчики просчитывают сразу, что нужно будет самим стирать носки, трусы, утром мама кофе в постель не принесет…

Те, кто идет, – это люди, которые сами хотят идти. Хотят просто в поход пойти и к истории прикоснуться. Мы же рассказываем об экспедициях, фильмы в Интернете выкладываем, видеоролики про «Оборонную тропу».

Ребятам хочется в этом поучаствовать. Они понимают, что дело важное, хорошее. За все годы, за 16 экспедиций с 2004 года, через нас порядка 100 с небольшим человек прошло. А некоторые по много раз ходят – сейчас с нами пойдет мальчик – начинал с 9 класса, а теперь ему уже 27, и он в десяти экспедициях участвовал.

Один из наших роликов составлен из интервью, которые брали у детей; их спрашивали, как они оценивают эти походы. Ребята признавались: когда идешь с рюкзаком, обливаешься потом, когда тебе тяжело, и вот тогда понимаешь, что здесь же, по этой тропочке, шли когда-то солдаты, в которых стреляли, а они должны были стрелять в ответ, выполнить приказ…

Знаете, по большому счету, наши экспедиции – это удел избранных, потому что человек решается: я пойду, я смогу пройти, смогу все преодолеть.

И он побывает в походе и по крайней мере осознает, что не все в жизни дается легко. Тем более после похода все трудности как-то уходят, а в памяти остаются горы и их красота. Представляете – посмотреть восход с Эльбруса, с высоты 4200 метров!.. Это же здорово!.

Постскриптум
О 17-й экспедиции «Оборонной тропы»

Сейчас мы вернулись из экспедиции на плато Лаго-Наки (Главный Кавказский хребет). Прошли по перевалам, которые защищали солдаты 20-й горнострелковой дивизии, 23-го погранполка НКВД и 33-го моторизованного полка НКВД. Установили 5 мемориальных гранитных плит «Перевал воинской славы», помогли поднять на флагштоках на всех пяти перевалах флаги, повязали всюду георгиевские ленточки и ленточки к медали «За оборону Ленинграда» в память о воевавших здесь ленинградцах.

Одним из них был командир 23-го погранполка подполковник Казак. Мы пронесли по всему маршруту (75 км по заснеженным склонам) штендер с портретом Павла Корниловича – получилось, как будто он снова прошел со своими солдатами по этим перевалам, спустя 75 лет – в составе бессмертного пограничного полка.

Гранитные плиты и надписи сделали сами ребята, участники экспедиции и ученики моего коллеги А. С. Веретенникова, мастера из реставрационного колледжа «Кировский», который также был в экспедиции в качестве заместителя руководителя.

По снегу было трудно идти, но погода помогала, а главное, экспедицию сопровождал патриот из Дагомыса Р.З. Аваджян, который все тропки (полностью скрытые снегом) знал и провел нас безопасными и короткими путями. Перевалы были на высотах от 1700 до 2200 метров над уровнем моря.

К содержанию

ЗИНАИДА КУРБАТОВА (МОСКВА – АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ)

«Лихачев был слишком мощной фигурой...»

Зинаида Юрьевна Курбатова – тележурналист, общественный деятель, внучка выдающегося отечественного ученого, академика Д. С. Лихачева.

Как возникла идея музея Дмитрия Сергеевича Лихачева на Соловках? Кто был ее инициатором?

Больше года назад я познакомилась с губернатором Архангельской области Игорем Анатольевичем Орловым. К тому времени я уже четко понимала, что музей Лихачева вряд ли откроется в Петербурге. С Орловым мы обсудили возможность создания маленькой экспозиции на Соловках. Можно считать, что инициатива была и Орлова, и моя одновременно.

Я знаю, что губернатор обратился с этим к Патриарху. И вот совсем недавно Святейший благословил создание на Соловках музея Лихачева и других узников. Это невероятное событие, которое невозможно переоценить.

После благословения уже вряд ли кто-то помешает созданию музея.

Почему, как Вам кажется, музей Лихачева до сих пор не появился в Петербурге, первым почетным гражданином которого стал именно Дмитрий Сергеевич?

О том, почему в Петербурге нет музея или хотя бы постоянной экспозиции, я писала и говорила очень много. Понимаете, для этого должна быть воля руководства города. Или желание музейщиков. К сожалению, нет ни того, ни другого.

Лихачев был слишком мощной фигурой, он был смелым, он много сделал. Такое сравнение не нужно нынешним лидерам города, да и интеллигентам, которые заметны.

На фоне Лихачева многие претенденты на его место выглядят пигмеями. Так что его нужно скорее забыть. А музейщики – им просто лень. Семья отдала вещи деда в музей истории города. Их распределили по разным фондам и даже не описали как положено. Приняли у меня – я передавала все эти вещи, ведь я жила в той квартире, – без описи, что является грубым нарушением правил.

Когда к стодесятилетию деда я сделала об этом репортаж в программе «Вести недели», то музейщики были недовольны. Как это я могла о них так некомплиментарно высказаться? А я просто сказала правду.

Когда мне показывают в музее фотографии и говорят «здесь Лихачев с известными и неизвестными людьми», я говорю: «Я знаю, кто здесь сфотографирован. Запишите». Хранитель говорит, мол, потом. Когда «потом»?.. Ленивы, нелюбопытны. А еще непрофессиональны.

Что уж говорить… К юбилею деда маленькую стелу на Петроградской стороне взяли и повернули лицом к Неве. Облагородили какой-то дурацкий скверик. В результате этот единственный в стране памятник Лихачеву с площади и с проезжей части не виден, он выглядит как кусок гранита.

Кстати, о том, что памятник перенесли, не сказали даже его архитектору Вячеславу Бухаеву. Вот вам Петербург во всей красе. Никому ничего не нужно.

Я могу говорить об этом много. Никто из многочисленных людей, которым дед помогал, никто не выступил с инициативой создать музей.

Когда дед был жив, у нас в квартире постоянно звонил телефон, в квартиру и в Пушкинский Дом шли просители, ходоки. Когда дед умер, телефон сразу же замолк. Мне обидно, да. Но мне еще невероятно стыдно за Петербург. В стране Петербург не очень-то любят. Считают городом ленивых снобов. Увы...

Как сам Дмитрий Сергеевич вспоминал годы, проведенные на Соловках? Почему называл Соловки своим вторым университетом?

О Соловках в своей жизни Лихачев сам прекрасно написал в «Воспоминаниях». Рассказал в нескольких документальных фильмах, которые доступны в Сети. Здесь он столкнулся и с ужасами ГУЛАГа, который оттачивал машину по уничтожению людей.

Здесь его несколько раз чуть не убили, и здесь же он встретил величайших людей своего времени, цвет научного мира, так называемых «бывших людей» – дворян, офицеров, фрейлин, лицеистов (воспитанников Лицея).

Он подружился с молодыми поэтами, художниками, инженерами. Он вошел в кружок философа Александра Мейера. Работал в музее, который был создан для того, чтобы спасти церковные ценности. Он увидел самые глубокие глубины и самые высокие вершины человеческой натуры.

Хранит ли Соловецкий монастырь память о лагерных временах? Вообще насколько тема восстановления и сохранения исторической памяти актуальна для тех мест?

Когда я была в последние два раза на Соловках, то не заметила большого желания создавать музей или экспозицию Лихачева. Там есть маленький музейчик, его экспозиция находится в одном из бараков.

История ее печальная. В 1986 году была создана яркая, умная экспозиция внутри кремля. Ее создавали Юрий Бродский, супруги Сошины и другие. Потом эту экспозицию вынесли за пределы кремля в барак, разрушив ее художественный облик.
Почему-то из экспозиции исчез и портрет моего деда. Как мне сказала одна ученая дама: «Ваш дед сидел всего пять лет, а другие – по двадцать пять».

Неумные люди. Лихачева проходят в школе, и под музей именно Лихачева они могли бы получить и финансирование, и рабочие места. Бог им судья. В прошлом году мне тоже сказали, что музей Лихачева вряд ли нужен.

Когда я в первый раз была в монастыре, там еще оставались следы лагеря. Сейчас их не найти, все отреставрировано, отчищено, побелено. Музейчик, выселенный в барак, зависит от наместника.

Выйдя во двор, я решил не возвращаться к родителям, пошел на дровяной двор и запихнулся между поленницами. Дрова были длинные – для монастырских печей. Я сидел там, пока не повалила толпа на работу. И тогда вылез, никого не удивив. Что я натерпелся там, слыша выстрелы расстрелов и глядя на звезды неба (больше ничего я не видел всю ночь)!

С этой страшной ночи во мне произошел переворот. Не скажу, что все наступило сразу. Переворот совершился в течение ближайших суток и укреплялся все больше. Ночь – была только толчком.

Я понял следующее: каждый день – подарок Бога. Мне нужно жить насущным днем, быть довольным тем, что я живу еще лишний день. И быть благодарным за каждый день. Поэтому не надо бояться ничего на свете. И еще – расстрел производился для острастки... Ясно, что вместо меня был «взят» кто-то другой. И жить мне надо за двоих. Чтобы перед тем, кого взяли вместо меня, не было стыдно!

Д. С. Лихачев «Воспоминания»

Что удалось сделать для создания музея и что планируется сделать в ближайшее время?

Пока никаких действий по созданию музея не происходило. Я не очень понимаю, кто этим будет заниматься. Неужели та дама, Ольга Бочкарева, которая считает, что дед слишком мало сидел?

Мне бы хотелось, чтобы музей дела был в его камере. Сейчас там бухгалтерия музея. Меня прошлым летом даже не очень хотели туда пускать. Я представляю, что это могли бы быть каменные стены и пол. Вид из окна почти тот же, уже хорошо.

И в этой камере звучит голос деда, который вспоминает Соловки и поет соловецкие песни, и две-три фотографии. Минимализм, стиль, эмоции. Больше ничего не нужно.

Я надеюсь, что после благословения Патриарха так и будет.

Расскажите, пожалуйста, о «камне Лихачева».

В свое время дед и его приятель, племянник писателя Короленко, решили выбить свои фамилии на огромном куске гранита. На память. А то вдруг они погибнут, так хоть надписи будут. Они выбивали буквы, но не успели. Выбили только «Лихач» и «Корол».

Деда этапировали на материк для строительства Беломорско-Балтийского канала. Его друг выбил остальные буквы. И в 1937 году был расстрелян на Соловках. Всю жизнь дед вспоминал этот камень.

И вот недавно его нашли в лесу волонтеры. Искали долго, ведь пейзаж поменялся, вырос молодой лес. А они искали по воспоминаниям дедушки об этом месте. Камень, конечно, производит сильное впечатление.

Были на Соловках с режиссером Виноградовым. Они меня снимали. От Кеми доставили в Соловки (и обратно) на военном катере. На Соловках мы жили в морской квартире, и к нам приходил мальчик 7 лет, который подарил мне свою «картину». Он очень интересуется историей Соловков, и мы с ним подружились. Буду посылать ему книжечки. На Соловках я обошел все места, где жил и работал. Поднимался на Секирную гору и лазил на маяк к рефлектору – туда не пускают даже министров. Видел то место, где в 1929 году осенью был расстрел 300 человек – моих друзей и знакомых. Я в эту яму чуть-чуть сам не угодил. Спасло только то, что ко мне приехали родные и при них «постеснялись» меня брать.

Группа Виноградова была в 12 молодых людей. Они и работали, и готовили. А хлеб на Соловках отличный. Такого хлеба я не едал. Его пекут в пекарне XVI века, построенной при митрополите Филиппе, где Филипп сам работал. Музей растет, но много разрушений и очень испорчены монастырские дороги тракторами и КАМАЗами. Погода была теплая и солнечная. В общем, эти три дня были настоящим отдыхом, хотя мне и пришлось «работать» и выступать в музее с рассказом о лагере.

Из писем Д. С. Лихачева З. Ю. Курбатовой (август 1988 г.).

Вопрос не имеет прямого отношения к Соловкам и музею, но хотелось бы узнать ваше мнение: в работах западных русистов 1960-х – 1970-х гг. и позднее Дмитрия Сергеевича нередко называли «вождем русского национализма». Что сам Дмитрий Сергеевич думал по этому поводу и каково Ваше мнение на сей счет?

Вы спрашиваете, почему западные ученые называли дела националистом? Это надо у них спросить, если они живы еще. Наверное, хотели какие-то гадости написать.

Много гадостей дед вынес, много наветов при жизни. И после смерти тоже. Вот зачем петербургский краевед и журналист Лев Лурье написал, что во время блокады Лихачев считал, что город надо сдать немцам? Такого быть не могло.

И возвращаясь к национализму. Его у настоящих петербургских интеллигентов не было. Тот же дед в годы борьбы с космополитами взял на работу отца Льва Лурье, Якова Соломоновича, и тот до пенсии трудился в отделе Пушкинского Дома под крылом дела.

У нас и сейчас любовь к своей многострадальной родине, к ее культуре, гордость за ее величие некоторые называют национализмом.

К содержанию

ЮЛИЯ БЕЛОБОРОДОВА (ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Город с тысячелетней историей – комфортная туристская среда

Юлия Викторовна Белобородова – первый заместитель председателя Государственного комитета Псковской области по культуре

Расскажите, пожалуйста, поподробнее о проекте туристско-рекреационного кластера «Псковский»: как возникла идея, каковы были первые шаги – и почему, собственно, в названии кластера появилось слово «рекреационный»?

В определенный момент мы поняли, что появилась необходимость объединить главные городские достопримечательности в новые туристские маршруты, прежде всего пешеходные.

Раньше приезжающему в Псков туристу, как правило, предлагали беглый осмотр достопримечательностей, и туристы выходили из автобуса только в Псковском Кремле. Нам захотелось, чтобы появились новые видовые точки на Псковскую крепость, Мирожский монастырь, Троицкий собор.

Также со временем возникла потребность в современных велодорожках, потому что данный вид туризма стремительно развивался.

Так появилась идея создания ТРК «Псковский».

Кластер – это единый комплекс, когда объекты показа, отели, кафе, магазины и общественные пространства (парки, набережные, скверы) связаны друг с другом удобными пешеходными маршрутами.

Рекреационными кластеры называют именно потому, что все они, и ТРК «Псковский» в том числе, имеют целью, в первую очередь, формирование комфортной туристской среды, обустройство мест массового отдыха людей.

В чем особенность этого ТРК? Какие его уникальные характеристики позволят увеличить туристический поток? Чем из сделанного вы особенно гордитесь?

Наверное, главной особенностью туристско-рекреационного кластера «Псковский» можно назвать то, что он реализуется на территории города с тысячелетней историей. Прежде чем начинать строительство, нужно проводить все необходимые археологические раскопки и согласования методических и градостроительных советов.

Мы надеемся, что туристов привлекут новые маршруты, комфортные гостиницы, уютные рестораны. Сейчас мы часто слышим отзывы, что по инфраструктуре Псков похож на европейский город. В городе появились большие прогулочные зоны, пешеходная улица (или, как ее еще называют, «Псковский Арбат»).

Если говорить о туристах, на кого в первую очередь рассчитан этот проект – на население Псковской области, на жителей двух столиц, на туристов со всей России или из-за рубежа? Что делается для привлечения?

Проект ТРК «Псковский» рассчитан и на туристов, и на псковичей.

Кроме того, в рамках проекта в городе открылись новые гостиницы и рестораны, ориентированные на качественное обслуживание туристов, для самих жителей города появились новые прогулочные зоны там, где, например, еще 10 лет назад был заброшенный и необорудованный берег.

Для привлечения туристов в регион мы используем различные методы: международные туристские выставки, инфотуры, рекламу в интернет-пространстве и др.
Разработана целая линейка презентационной печатной продукции, в том числе и на иностранных языках. Также, для удобства иностранных туристов, официальный туристский портал переведен на английский и немецкий языки.

На кого больше ориентируется проект – на организованных или на самостоятельных туристов?

Здесь также нет разделения. Конечно, мы чаще можем увидеть самостоятельных туристов, прогуливающихся в одиночку или семьями. Однако наши экскурсоводы рассказывают, что теперь с удовольствием водят группы по обновленным набережным рек Великая и Пскова, показывая мощные стены Псковской крепости со всех сторон.

Не повредит ли появление рекреационных зон культурно-познавательному туризму,

традиционному для Пскова и его ближайших и дальних окрестностей?

Сейчас, когда уже введено в эксплуатацию 10 объектов, можно с уверенностью сказать, что нет. Благодаря реализации проекта появился свободный доступ ко многим объектам культурного наследия, открылся обзор на них с новых точек. И, конечно же, на стадии разработки проекта ТРК «Псковский» были учтены все градостроительные особенности нашего древнего города. Практика показывает, что все возможно!

Свидетельствует ли статистика об увеличения турпотока? И насколько проект оправдывает ожидания?

До начала реализации проекта туристский поток в регион составлял порядка 250 тыс. человек. В последние 5-6 лет этот показатель не опускается ниже 300 тыс. В 2015 году Псковскую область посетила 371 тыс. туристов. Наши ожидания оправдываются!

Вообще, по каким параметрам может и должна оцениваться эффективность этого проекта – для государства, для бизнеса, для целевой аудитории?

В первую очередь мы можем говорить о возросшей инвестиционной активности по созданию объектов туристской инфраструктуры. Это позволило создать 960 новых рабочих мест, появились новые современные гостиницы, торгово-развлекательный центр с кинотеатром и аквапарком. Для туристов проект позволил расширить систему пешеходных маршрутов и увеличить спектр предлагаемых услуг.

Этот проект сугубо самостоятелен – или он может считаться элементом более крупных проектов наподобие «Серебряного ожерелья»?

Проект «Серебряное ожерелье России» – это, прежде всего, брендинг территории, а создание туристско-рекреационного кластера «Псковский» – это инфраструктурный инвестиционный проект на территории одной туристской дестинации – города Псков. Именно синхронизация работ по проектам дает наибольший эффект.

Что планируется сделать в рамках проекта за 2017-2018 годы?

В 2017 году в завершающую стадию вступает реконструкция улицы Калинина с примыкающими улицами Детской, Георгиевской, Красных Просвещенцев.
И уже в мае 2017 года запланировано начало работ по реконструкции улицы Свердлова с прилегающими парковыми зонами (1 этап). Благодаря этому к 2019 году появится закольцованный велосипедный маршрут вдоль стен Псковской крепости.

Какой будет судьба проекта после 2018 года? Например, планируется ли задействовать его

локации для проведения Ганзейских дней и в прочих подобных мероприятиях?

Улицы, парки, набережные, новые пешеходные улицы и прогулочные зоны уже стали местами для проведения праздников и культурных мероприятий – ремесленных ярмарок, танцевальных и музыкальных фестивалей, реконструкторских боев и др. Несомненно, эти общественные пространства могут стать основными площадками во время проведения Ганзейских дней в Пскове в 2019 году.

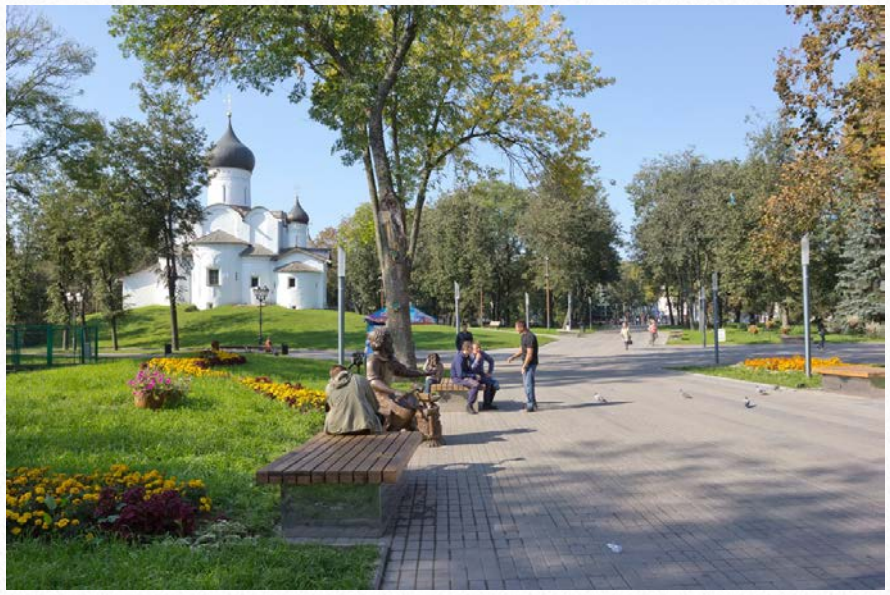
Комментарий
***Из интервью бывшего председателя Государственного комитета Псковской области по туризму, инвестициям и пространственному развитию Натальи Александровны Труновой*:**

Около 60% гостей региона прибывают с культурно-познавательными целями, а почти 80% всех туристов движется по десятилетиями накатанным маршрутам. Как показывают наши исследования, обычно время пребывания гостей ограничивается двумя днями. А ведь одних только достопримечательностей в области – около 5 тысяч…

Поэтому главная задача – изменить сам формат туризма. Диверсифицировать областной турпродукт, перейдя от практики показа отдельных объектов к комплексной системе организации отдыха, в которую включена вся сопутствующая инфраструктура обслуживания. И уверенные шаги в этом направлении сделаны.
Сейчас приезжающему в Псков туристу, как правило, предлагают беглый осмотр достопримечательностей. Посмотрел – в автобус – поехали дальше.

А кластер – это когда создан единый комплекс. Когда объекты показа, отели, кафе, магазины и общественные пространства (парки, набережные, скверы) «увязаны» друг с другом удобными пешеходными маршрутами. Когда все они «живут» не сами по себе, а в соответствии с четким планом развития туристической инфраструктуры.

Объектом показа в данном случае является не отдельный памятник архитектуры, а вся центральная часть города. Гость должен получить возможность не только удивиться богатству внутреннего убранства Свято-Троицкого собора или фрескам Мирожского монастыря, но и, прогулявшись пешком, понять «душу» Пскова: полюбоваться панорамой набережной реки Великой, поужинать в кафе, где ему предложат уникальное местное блюдо, купить сувенир на память, поучаствовать в интересном интерактивном шоу.



Все это в комплексе и позволит перевести культурно-познавательный туризм в формат городского и, соответственно, увеличить срок пребывания туриста до 3–4 дней. Ведь если взрослому или ребенку интересно в этом месте и есть чем заняться, они наверняка останутся. Культурно-познавательный туризм сам по себе экономически неэффективен, но если он переходит в другой формат – выгоден всем. И инвесторы это понимают.

Поэтому, кроме средств из регионального и федерального бюджетов, только в развитие туристической инфраструктуры Пскова частные инвесторы готовы вложить более 4 миллиардов рублей. Причем эти деньги по объему в 3,5 раза превышают все бюджетные средства и позволят почти в 2 раза увеличить номерной фонд гостиниц и изменить сам облик города.

Проблем много, но главная – одна. Проблема перехода в новый формат туризма, предполагающая отказ от чего-то старого. Требуются огромные организационные усилия для того, чтобы новинка прижилась. Как воздух

нужна инфраструктура, с помощью которой она будет успешно существовать. Все это достигается с помощью рутинной каждодневной работы, результаты которой проявятся не вдруг. А хочется всего и сразу… И нужно большое терпение, чтобы все же достичь поставленной цели. Безусловно, основным направлением является развитие туристской инфраструктуры: прежде всего гостиничных, выставочных и спа-комплексов, культурно-развлекательных центров и других объектов. Для города и региона это возможность существенно, практически в два раза, увеличить номерной фонд, изменить облик города, диверсифицировать турпродукт города.

Думаю, что очевидно, почему мы занимаемся именно Псковом, ведь это сейчас один из основных центров, куда приезжают туристы (по потоку соразмерны разве что только Пушкинские Горы). Но потенциал Пскова используется сейчас процентов на 20%. То есть из-за отсутствия современной инфраструктуры туристы здесь остаются максимум на две ночи (в основном это два дня и одна ночь, при этом один из дней, как правило, тратится на пригороды). А в реальности такой город, как Псков, может удерживать туристов минимум четыре дня.

К содержанию

МАРИНА ФЕДИНА (РЕСПУБЛИКА КОМИ)

Документирование языка как способ сохранения языка и культурной памяти

Марина Серафимовна Федина – начальник Центра инновационных языковых технологий Коми республиканской академии государственной службы и управления.

В последние годы начала активно развиваться новая область лингвистики – документирование языка. Документирование языка понимается как «долговременная многоцелевая фиксация языковых данных» [1], а основной ее целью является сбор и фиксация первичных данных по малым или неизученным языкам для их использования в дальнейших различных научных исследованиях и учебно-методических целях.

Первоначально данная область лингвистики разрабатывалась теми лингвистами, которые занимались языками, находящимися на грани исчезновения, которые в свою очередь чаще всего не имели ни электронной письменности, ни каких-либо других электронных ресурсов. В настоящее время также и многие диалектологи используют современные методы электронного документирования языка в связи с тем, что для диалектов, во-первых, также свойственно отсутствие документирования, во-вторых, они также находятся под серьезной угрозой исчезновения, а в-третьих, даже диалекты тех языков, которым ничего (или в менее значительных степенях) не угрожает, могут предоставить очень интересную информацию для теоретических лингвистических и иных исследований.

При документировании основным видом речевой деятельности являются тексты

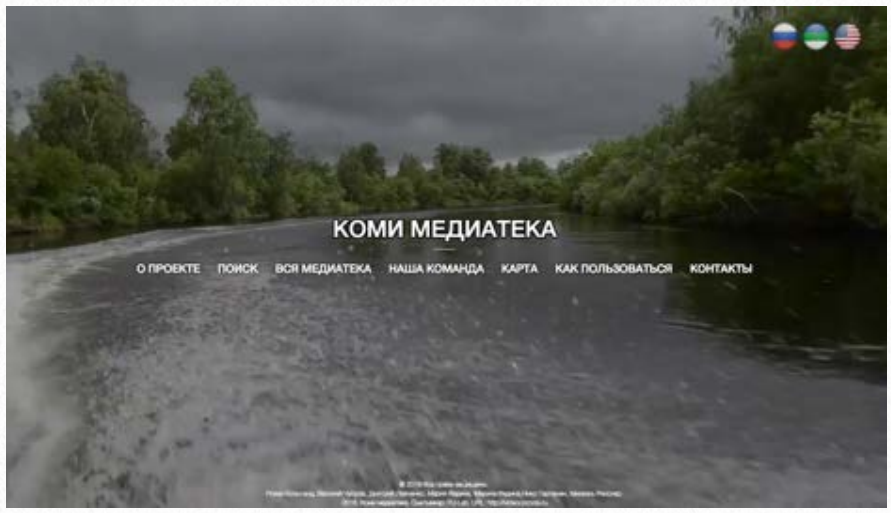
различных жанров — различные рассказы, сказки, легенды, байки, анекдоты, стихотворения, фольклорные постановки, случаи из жизни, бытовые диалоги, песни и др.

Но наибольшую ценность имеют записи спонтанной речи, записанные в полевых условиях при интервьюировании на различные темы. Поэтому документирование языка ставит своей целью предоставление информации для будущих междисциплинарных исследований языков в частности и лингвистических практик в целом. Язык используется в различных жанрах и стилях, многие из которых должны быть документированы для того, чтобы сделать эти данные настолько показательными и многофункциональными для будущих исследований, насколько это возможно.

При этом важнейшими задачами документирования являются не только сбор и качественная фиксация языкового материала, но и предоставление к нему доступа в электронной форме широкой аудитории и надежное долговременное хранение собранных данных и их периодическая обработка по требованиям современных форматов. Значимость языкового документирования огромна. «Для местных жителей записанные тексты интересны тем, что привязаны к их сегодняшней жизни, быту, знакомым людям и судьбам. Кроме того, сам факт, что их языком интересуются ученые, что эти материалы будут доступны во всем мире, несомненно, поднимает престиж языка, может способствовать пробуждению интереса к собственному языку у молодых. Для будущих поколений – это сохранение культурного наследия. Конечно же, собранные и обработанные материалы имеют огромную ценность для всех специалистов, изучающих язык в самых разных аспектах. Это лингвисты, которые занимаются языками данной языковой семьи; лингвисты-типологи, изучающие общеязыковые закономерности путем сопоставления далеких и непохожих друг на друга языков; социолингвисты, этнографы, фольклористы» [1].

Именно с такой целью был задуман международный научно-исследовательский проект «Коми-ижемцы: Создание аннотированного электронного корпуса для дальнейших исследований по коми языковым сообществам российского Крайнего Севера». За период с 2014 по 2016 гг. в ходе 4 экспедиций было опрошено 196 респондентов-ижемцев из разных регионов Северо-Западного федерального округа, сделано 157 интервью продолжительностью от 20 минут до 1 часа каждый. Записи интервью оцифрованы, большинство из них расшифровано с переводом на русский и английский языки. Кроме того, восстановлено 16 записей из старых фондов, недоступных широкому кругу пользователей.

Промежуточным результатом проекта является электронный ресурс «Коми медиатека» (http://videocorpora.ru/).



В медиатеке представлены различные тексты: песни, частушки, театральные и детские постановки, архивные записи, интервью, анекдоты, рассказы и т. д. Основную массу составляют интервью на различные темы: о семье, о себе, об истории рода, об истории переселения, о работе, об увлечениях, об учебе, о творчестве, о народной медицине, о культуре, об оленеводстве и т. д.

Интервью брались в естественных для информантов условиях – в детском саду, школе, на улице, дома, в мастерской, на работе, на отдыхе, в лесу. Причем по форме они представляют как интервью с одним информантом, так и с двумя (супружеская пара, родственники, хорошие соседи) и более информантами.

Уникальность такого ресурса заключается прежде всего в представленности культуры, языка, условий жизни и быта в реальной ситуации. К сожалению, многие из информантов уже ушли из жизни, но для их родственников и

потомков «Коми медиатека» послужит еще и своего рода семейным архивом.

На данный момент не все записи еще загружены на ресурс «Коми медиатека», работа по его пополнению продолжается.

Ижемцы, ижемские коми, коми-ижемцы или изьватас – особая этническая группа северных коми, имеющая свою традиционную культуру, в том числе своеобразное миропонимание, несколько отличные от других групп коми понятия и устои, язык, традиционное хозяйство.

Исследователями отмечалась еще одна особая черта ижемцев – активность, мобильность, умение приспосабливаться к любым условиям, а затем приспосабливать условия к себе. Некоторые зарубежные ученые [3] видели в этом пассионарный характер.

Именно это свойство ижемцев дало возможность открывать и осваивать другие территории, далеко не приспособленные к жизни, создавать на новых землях целые поселения, уживаться с аборигенами и поднимать культуру и экономику этих территорий на новый уровень, консолидируя опыт и знания аборигенов и свой собственный, при этом сохраняя свою культуру, язык и святую память об исторической родине, передавая эти знания из поколения в поколение. Большинство изьватас проживают на территории Республики Коми, но их немало проживает и за пределами Республики Коми – в Мурманской области, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах и Ненецком автономном округе.

Ижемцы, или изьватас, как этническая группа сложилась в XVIII веке в результате смешения нескольких коми этнических подгрупп, в первую очередь вымских и удорских коми в западной и северо-западной части современной Республики Коми, межнациональных браков с русскими (в основном – выходцами из Новгорода и Архангельска), а затем и с ненцами на самом севере европейской части России.

По мере продвижения на север и расширения контактов с ненцами изьватас постепенно отходили от своего исконного образа жизни, основанного главным образом на рыбалке и охоте, и перенимали оленеводство у ненцев. Изьватас мигрировали и на север к Западной Сибири, основной миграционный поток начался в начале XIX века и достиг своего пика к середине XIX века. Основными причинами мощного миграционного процесса считаются демографическое давление с юга и сохранение оленьего поголовья. Так, потомки переселенцев главной причиной называют избежание таких оленьих заболеваний, как копытка и др.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. коми насчитывалось 228235 человек и 6420 коми-ижемцев, из них 5725 – в Республике Коми, 472 – в Мурманской области, 164 – в Тюменской области, 108 – в Ямало-Ненецком автономном округе и т.д. Однако, по нашему мнению, эти цифры не отражают реального положения вещей, т.к. большинство изьватас записывались как коми: в Мурманской области дополнительно 1649 человек, в Ямало-Ненецком автономном округе – 5141 человек. В Ханты-Мансийском автономном округе 2364 человека записаны как коми и 50 – как коми-ижемцы, в Ненецком автономном округе 3623 человека записаны как коми и 1 (!) – как коми-ижемец [4].

По данным экспедиций, наши респонденты не проводили особого разграничения между понятиями «коми» и «коми-ижемец», что позволяет констатировать факт несоответствия данных переписи 2010 г. реальной численности коми-ижемцев. Хотя многие изьватас считают себя принадлежащими к отдельной от всех коми этнической группе (это характерно и для ижемцев в Республике Коми, и для диаспор). Например, в исследованиях, проведенных в 1980-х годах [5], утверждается, что среди изьватас на Кольском полуострове и в Западной

Сибири в среднем около 28% населения считают изьватас и коми двумя отдельными этническими группами, около 29% – одной этнической группой, но с большими различиями между ними, 21% – одной этнической группой, а 22% сказали, что вопрос слишком сложен для ответа. За выделение коми-ижемцев в самостоятельную этнографическую группу и признание их коренным малочисленным народом выступал и МОД «Изьватас».

Многие исследователи считают, что решение Всероссийской переписи населения о добавлении отдельной категории «коми-ижемцы» под «коми» в целом должно рассматриваться как признак того, что эти требования были достигнуты на самом высоком уровне правительства России. На самом деле искомого статуса ижемцы не получили, что не лучшим образом отразилось на общем состоянии ижемцев за пределами республики.

Своеобразие культуры и языка ижемцев, особенно за пределами Республики Коми, было и остается одной из основных причин обращения к ним и изучения многими поколениями исследователей [6].

Общеизвестно, что в условиях экономической и культурной глобализации особенно актуальным является сохранение и развитие национальной самобытности народа, упрочение связей национальных диаспор с исторической родиной и передача этой самобытности молодому поколению.

Эти задачи являются одними из основных в проведении национального праздника коми-ижемцев «Луд», куда съезжаются представители всех диаспор изьватас разного поколения, и межрегионального молодежного форума для представителей молодежи изьватас из разных регионов, организуемого МОД «Изьватас».

Но в современных условиях межэтнических контактов молодое поколение диаспор изьватас уже практически не владеет родным коми языком, о чем свидетельствуют экспедиционные данные. Причем потеря языка идет за одно, максимум – два поколения: если бабушка свободно говорит на ижемском языке, ее дети в основном понимают, некоторые говорят еще на материнском языке, а ее внуки в большинстве случаев уже не понимают и не говорят.

Причинами быстрой утраты языка обычно называются невостребованность языка, переход на межнациональный русский язык и в некоторых случаях – «неприветствование» ижемского языка со стороны местных властей и коренного местного народа. Это достаточно сложно объяснить, поскольку еще в недавнем прошлом большинство коренных жителей северных территорий (ненцы, саамы, ханты) наряду с родным языком свободно владели ижемским языком, и язык ижемцев считался, по словам информантов, престижным, языком более развитого народа, что, впрочем, встречается и сейчас.

Кстати, ижемцы также осваивали местные языки. И на данных территориях устанавливался своеобразный «ижемско-местный» билингвизм, что благотворно

сказывалось на всей социально-экономической сфере территории.

Думается, основной причиной сегодняшней ситуации является экономическая – после получения коренными жителями северных территорий (ненцами, саамами, хантами, манси) статуса «коренной малочисленный народ» и ощутимых экономических преференций и отсутствия такого у коми-ижемцев при равных прочих условиях поменялись сами взаимоотношения между народами.

Вместе с тем большинство выходцев из Коми, в том числе и молодежь, желают сохранить свой родной язык, культуру и традиции, так как язык является одним из средств этнической идентификации. Об этом свидетельствуют и организуемые в диаспорах вечерние языковые школы для молодежи и детей, привлечение молодежи в досуговую деятельность на языке ижемцев (например, ансамбли), и результаты опросов участников межрегионального молодежного форума для представителей молодежи изьватас и интервьюеров во время экспедиций.

Данная тенденция подает надежду о возможности сохранения всех локальных разновидностей ижемского диалекта, которые отличаются не только от других диалектов коми языка и литературного языка, но и между собой.

Использованная литература:

1. *Архипов А. В*. Документирование малых языков: научные и технические аспекты // Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт. – М., 2008. – С. 76-83.

2. *Некрасова Г. А*. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов // Финно-угорский мир. – 2010. – № 1. – С. 13-16.

3. *Kokkonen P*. Kuolan niemimaan komilaiset // Journal de la Société Finno-Ougrienne 2004.90: 371–384.

4. http://www.perepis-2010.ru.

5. *Конаков Н. Д*., *Котов О. В*. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнкультурное состояние. – М.: Наука, 1991.

6. *Blokland R*., *Rießler M*. Komi-Saami-Russian contacts on the Kola Peninsula // Houtzagers, P. et al. (eds). Languages in Contact. Amsterdam: Rodopi, 2011. – 5–26; *Bryleva Z.I*. The history of the Kola Peninsular Komi-izhemets // Seurujärvi-Kari, I.& Kulonen, U.-M. (eds), Essays on indigenous identity and rights. Helsinki:Yliopistopaino, 1996. – 157–169; *Бирюк О. Л*., *Кашкин Е. В*., *Кузнецова А. И*., *Усачева М. Н*. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка // Под ред. А.И. Кузнецовой. – Екатеринбург, 2010. – 320 с.; *Жилина Т. И*., *Колегова Н. А*. Некоторые особенности говора обских коми (сс. Мужи и Шурышкары) // Историко-филологический сборник-6. – Сыктывкар, 1960. – С. 152–170; *Игушев Е. А*. О некоторых особенностях коми говоров Зауралья // Пермистика-1. – Ижевск, 1987.- С.157-159; *Киселев А. А*. Кола кӧджса комияс // Войвыв кодзув. 1995, №7. – С. 62–69; *Конаков Н. Д*., *Котов О. В*. Ижемцы в Мурманском Заполярье // Родники Пармы: научно-популярный сборник. – Сыктывкар, 1989. – С. 51–79; *Конаков Н. Д*., *Котов О. В*., *Рочев Ю. Г*. Ижемские коми на Кольском полуострове. – Сыктывкар, 1984; *Котов О. В*. Этническое самосознание кольских коми. – Сыктывкар, 1987; *Лаптандер Т. В*. Краткая характеристика говоров коми-зырян (ижемцев) и комизированных ненцев Нижнего Приобья с привлечением местного антропонимического материала // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Материалы Всероссийской научной конференции «Ямал: история, историография, краеведение». – Екатеринбург–Салехард, 2005. – С. 140-149; *Лискевич Н. А*. Особенности этнокультурного развития коми с. Мужи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2009.- №9 – С. 143-156; *Повод Н. А*. Хозяйственные особенности коми-зырян севера Западной Сибири в конце XIX- начале XX в. // Системы жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология и практика. Материалы XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 1998.- С. 124–126; *Ракин А*., *Ляшев В*. Ловозероса комияс ордын // Войвыв кодзув. – 1980, №12. – С. 48–52; *Сахарова М. А*., *Сельков Н. Н*. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976; *Сахарова М. А*., *Сельков Н. Н*. Некоторые особенности говора кольских коми // Историко-филологический сборник-6. – Сыктывкар, 1960. – С.130–151; *Суббота К. А*. Глагол в ижемском диалекте коми языка: грамматические категории и словообразование (на примере казымского говора). – Йошкар-Ола, 2009; *Туркин А*. О взаимоотношениях коми и саамского языков // Linguistica Uralica – 1994, №30. – С.19–27; Фольклор ижемских коми в Ненецком автономном округе / Сост. В.М. Кудряшова и А.Н. Рассыхаев. – Нарьян-Мар, 2015; Фольклор коми и ненцев Ненецкого автономного округа (в записях Фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН 1968-1973 гг.)/ Сост. А.В. Панюков. – Сыктывкар, 2009. – 500 с. и др.

К содержанию

ЛЮБОВЬ ЦАРЬКОВА (НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ)

Литература в Ненецком округе

Любовь Викторовна Царькова – заведующая отделом информационной и редакционно-издательской деятельности ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа».

Литература – это духовное богатство народа. В наш век засилья «массовой культуры» и субкультур, зачастую неприкрыто демонических, возрастает роль хорошей книги в духовном воспитании. Город Нарьян-Мар – историко-культурный преемник Пустозерска, русского форпоста в Заполярье, основанного в 1499 г. В Пустозерске, в XVII веке был написан первый русский автобиографический роман – «Житие» протопопа Аввакума.

Письменная литература Ненецкого автономного округа начинается с 1934 года, с

образования литературного кружка «Заполярье» под руководством Григория Суфтина и Ивана Меньшикова при газете «Няръяна вындер» («Красный тундровик»), с публикации литературных страниц с произведениями местных авторов.

В 1935 и 1936 годах в Нарьян-Маре вышли первый и второй альманахи «Заполярье», замеченные даже в центральной прессе. С гордостью отметим, что альманах издается и сейчас.

«Заполярье» дало таких писателей, как Николай Леонтьев и Маремьяна Голубкова, критика Александра Михайлова, проректора Литературного института, профессора, академика РАЕН. Стали членами Союза писателей Василий Ледков, Алексей Пичков, Александр Канюков, Прокопий Явтысый и др., классики молодой ненецкой литературы, создатели замечательных стихов и прозы. Русский писатель Алексей Коткин – автор пяти исторических романов.

В литературное объединение «Заполярье» сейчас входят 44 поэта и прозаика из Нарьян-Мара и населенных пунктов Ненецкого автономного округа, а также Москвы и Санкт-Петербурга (7 членов Российского союза писателей и 2 члена Союза писателей России). Все они – инженеры, ученые, буровики, геофизики, журналисты, учителя, студенты вузов – зарабатывают хлеб насущный на обычной работе. Давно прошли времена, когда поэты были обеспеченными людьми и имели досуг для любимого занятия. Ныне писатели и поэты трудятся, выполняя свой гражданский долг.

Возглавляет литературное объединение Инга Александровна Артеева. Самые яркие имена: Виктор Матвеев, Мария Кравченко, Ирина Селивёрстова, Светлана Коныгина, Николай Миловский, Сергей Митькин, Вадако Ларь (Александр Ледков), Сергей Тарабукин, Галина Тайбарей.

Говорят, творческое слово способно изменить мир: оно воздействует на него непосредственно. Поэты-классики славили нашу землю, тундру, людей, живущих здесь. Их творчество наполнено такой энергетикой и духовностью, что хватит на многие годы. Алексей Пичков пишет: «Стихами мощу дороги, чтоб меньше другим осталось беды иль какой тревоги».

Сижу, пока не рассвело,
чтобы слова для песни подыскать,
чтобы рыбак держал свое весло,
чтобы птицей карбасу взлетать,
и чтоб пастух спокойно стадо пас,
чтобы его костер пылал, не гас,
и чтобы песня ладилась для всех,
и обещала радость и успех.

Алексей ПИЧКОВ

Современные авторы находят свой стиль, свой язык. На встрече с интеллигенцией Салехарда во время Дней культуры Ненецкого автономного округа на Ямале довелось услышать из уст доктора филологических наук Наталии Васильевны Цимбалистенко такие слова: «Поэты идут на десятилетия впереди ученых». В одной из ее книг цитируется высказывание Иосифа Бродского: «Литература – единственная форма нравственного страхования, которая есть у общества».

Судьба таланта во многом, если не во всем, зависит от его личности. Если в жизненных испытаниях, труде, человек очищается от себялюбия, тщеславия, гордыни, то и для поэзии или прозы это «плюс», творчество от этого только расцветает. Поэт или писатель тогда имеет нравственные силы выйти за рамки личной судьбы и создавать настоящее искусство, необходимое людям – современникам или будущим поколениям. Он может стать творцом духовных ценностей, которые и есть – настоящая литература, действенная сила.

Если поэт, писатель не одинок, а является членом команды, то начинает действовать закон работы целостной системы: сумма слагаемых на несколько порядков больше суммы ее частей...

За три четверти века истории «Заполярья» создана литература Ненецкого округа на ненецком и русском языках. Вышли сотни книг, в том числе и сборник «Пульс современной литературы Ненецкого автономного округа».

Ежегодно выходит альманах литобъединения «Заполярье», электронную версию которого можно найти на сайте ЭКЦ НАО в разделе «Литература».

Наша особая гордость – журнал для детей «Пунушка» на русском и ненецком языках – выходит уже второе десятилетие (с 2007 г.) два раза в год. Без создания специальной редакции журнал делают сотрудники и дирекция ГБУК «Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа» – Л. В. Царькова, О. Е. Латышева, В. С. Зганич, И. М. Селиверстова и другие. Полноцветный красочный журнал печатается тиражом 500–700 экземпляров и распространяется по школам, детским садам, библиотекам, учреждениям культуры города и округа, среди ненецкой интеллигенции.

За высокий профессиональный уровень издания наш журнал вошел в число лауреатов VII Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества, став одним из лучших изданий.

Журнал предназначен для школьников младшего и среднего возраста, читающих на русском и ненецком языках. Он помогает подрастающему поколению знакомиться с ненецкой культурой, современным ее состоянием, с традициями. Немало интересных материалов краеведческого характера, которые в ненавязчивой манере расширяют знания детей об округе, рассказывают о его уникальных памятниках природы.

Главная цель выхода «Пунушки» – пропаганда, сохранение, развитие традиционной культуры, фольклора и любительского творчества на территории Ненецкого округа. Журнал за десять лет поднял престиж ненецкой культуры, он пробуждает интерес к ней и объединяет детей разных национальностей. «Пунушка» – прекрасное учебное пособие для изучения ненецкой культуры, языка. Это хороший практикум для чтения на ненецком языке с переводом на русский.

Все номера «Пунушки» находятся в открытом доступе: http://www.etnonao.ru/index.php?option=com_content.

Так мы вносим вклад в дело сохранения культурного наследия малых народов. В рамках этнокультурного сотрудничества регионов Северо-Запада проходит немало мероприятий, в которых участвуют наши литераторы. В частности, предоставляются произведения для публикации на сайте «Финно-угорский культурный центр РФ» (http://www.finnougoria.ru), в журнале «Финноугория» и пр.

Восемнадцатого марта 2017 года в рамках Всероссийской акции «Крымская весна» были направлены в библиотеки Севастополя и Симферополя книги о Ненецком округе. Так же поступили и другие регионы. В результате в Крыму должна появиться литературная карта России.

В литературный подарок от Ненецкого округа, в частности, вошли журналы «Пунушка», альманах литературного объединения «Заполярье», повесть Марии Кравченко «Сказка Каменного города», «Эссе о северной поэзии и прозе» Северины.

Особый интерес представляет и книга Юрия Канева «Оленная армия» – о подвиге оленных батальонов. Ненецкий историк и краевед рассказывает в своей монографии о малоизвестном факте использования на Карельском фронте оленьих упряжек для транспортировки боеприпасов, продовольствия, эвакуации раненых и ведения разведки.

Стихи и проза авторов помещаются на весьма популярном блоге И. В. Коткиной «ЧУМотека» (http://chumoteka.blogspot.com), который читают пользователи со всего мира, на русскоязычных национальных порталах ПРОЗА.РУ и СТИХИ.РУ. Ольга Крупенье получила первую национальную литературную премию «Писатель года» (Москва) в номинации «Романтика» два года подряд. В Москве вышли две авторские книги писательницы.

Литература Ненецкого автономного округа – часть литературы огромной России. Наши авторы пишут на русском и ненецком языках; идет взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур.

Официальный сайт Этнокультурного центра НАО: http://www.etnonao.ru.

Альманахи «Заполярье»: http://www.etnonao.ru/index.php?option=com_content.

Отзывы о журнале «Пунушка»

М. В. Русанова, первый заместитель директора государственного Российского Дома народного творчества:

«Очень хорош ваш журнал “Пунушка”. Подобного журнала по стране нет».

М. Я. Бармич, почетный профессор РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург:

«“Пунушка” – уникальный детский журнал, не имеющий аналогов ни в одном национальном регионе России. А именно – сделать ее чуть менее рекламной, добавить в конец пару абзацев про важность сохранения наследия малых народов и значимость этнокультурного сотрудничества для всех регионов Северо-Запада».

К содержанию